

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ИМЕНИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Серия «Русский Путь: pro et contra»
основана в 1993 году

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
ИМЕНИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ: PRO ET CONTRA

Антология

Т. 2

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского
Санкт-Петербург
2025

Серия «РУССКИЙ ПУТЬ»

Серия основана в 1993 г.

Редакционная коллегия серии:

*Д. К. Богатырёв (председатель), В. Е. Багно,
С. А. Гончаров, А. А. Грякалов, В. А. Гуторов,
А. А. Ермичёв, И. А. Есаулов, В. Н. Захаров,
К. Г. Исупов (ученый секретарь), А. А. Корольков,
М. А. Маслин, Р. В. Светлов, И. Н. Сухих,
В. Ф. Фёдоров, С. С. Хоружий*

Ответственный редактор серии

Д. К. Богатырёв

Составитель

М. А. Перепелкин

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 24-28-00699 <https://rscf.ru/project/24-28-00699/>;
Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф. М. Достоевского*

Алексей Толстой: pro et contra, антология. Т. 2 / Сост.,

А 11 вступ. статья, комментарии М. А. Перепелкина. — СПб.: РХГА, 2025. — 960 с. — (Русский Путь).

ISBN 978-5-907987-75-3

Книга представляет собой опыт антологии критических работ и научных исследований, посвященных А. Н. Толстому. Ворвавшийся в мир большой литературы со студенческой скамьи Технологического института, вчерашний провинциал и недоучившийся студент Толстой практически сразу же стал не просто заметным, но — ярким и самобытным явлением даже на фоне богатой на таланты и разнообразной столичной жизни начала XX века, которого многие пытались понять, объяснить и определить, кто-то — искренне восхищаясь и завидуя, а кто-то — жалея, сочувствуя и поучая. Но, как и следует настоящему художнику, Толстой никого не оспаривал, вполне равнодушно принимая хвалу и клевету, и — развиваясь по собственным законам, подчиняющимся только художественной логике, и ускользая от однобоких определений. В этой связи особенно интересно читать подряд критику 1910-х гг., торопливо догоняющую дерзкого художника и все равно не успевающую за ним. Любопытный и во многом показательный для XX века сюжет представляют и собранные вместе под одной обложкой научные исследования толстовского творчества, балансирующие между подлинным Толстым, Толстым-художником и Толстым, провозгласившим, что ему как художнику «революция дала все».

Книга предназначена как для специалистов-литературоведов, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей отечественной литературы XX столетия.

ББК 83.3(2)

© Перепелкин М. А., составление, вступ. статья, комментарии, 2025

© АНО ВО «РХГА», 2025

© «Русский Путь», название серии, 1993

ISBN 978-5-907987-75-3

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Вы держите в руках второй том антологии «Алексей Толстой: *pro et contra*», отражающей рецепцию личности и литературного творчества писателя Алексея Николаевича Толстого (1882–1945).

Русская христианская гуманитарная академия отметила 35-летие своей научно-педагогической и просветительской деятельности. Юбилей отметила и являющаяся важным достижением РХГА книжная серия «Русский Путь», число томов которой перешагнуло две сотни изданий.

«Русский Путь» открылся в 1994 году. Плодом исследовательской и издательской работы стали своего рода «малые энциклопедии» об отечественных философах, писателях, деятелях науки, искусства и церкви. Целый ряд книг представляет российскую рефлексию идейного наследия зарубежных мыслителей.

«Русский Путь» изначально задумывался как серия книг не только о мыслителях, но и о демиургах отечественной культуры и истории. Увидели свет антологии о творцах российской политической истории и государственности.

Важным этапом развития «Русского Пути» является переход от персоналий к реалиям. Последние могут быть выражены различными терминами — универсалии культуры, мифологемы, формы общественного сознания, категории духовного опыта, типы религиозности. В последние годы работа в указанном направлении заметно оживилась. Осуществлена публикация книг, отражающих культурологическую рефлексию важнейших духовных традиций в истории человечества — иудаизма, христианства, ислама, буддизма. Изданы антологии, посвященные российской рецепции христианских конфессий — православия, католицизма, протестантизма. Проведена работа по осмыслению отечественной рефлексии ключевых идеологий Нового времени. Увидели свет пять антологий: «Либерализм: *pro et contra*», «Национализм: *pro et contra*», «Социализм: *pro et*

contra», «Анархизм: pro et contra», «Консерватизм: pro et contra». Опубликованы четыре тома, отображающие оценку феномена русской классики. Первый том охватывает золотой век, второй — серебряный, третий — железный. Четвертый дает представление об отношении к русской классике в мировой культуре. В этом же ряду — книги, посвященные переосмыслению ключевых исторических событий начала XX века: «Революция 1917 года: pro et contra» и «Красное и белое: pro et contra», охватывающая все разнообразие позиций русской эмиграции в оценке Гражданской войны. Идеологическое движение в области межрелигиозных отношений представлено антологией «Экуменизм: pro et contra». Готовятся тома, предлагающие осмысление таких исторических феноменов, как первая волна российской эмиграции XX века, восстание декабристов, российское масонство и русское самодержавие.

За четверть века модель изданий трансформировалась от антологии, включающей классические тексты, к смежному жанру антологии/коллективной монографии, которая содержит тексты современных исследователей, подобранные в стилистике pro et contra, в том числе написанные специально под проект. Это обусловлено повышением уровня современных дискурсов, действующие исследователи вступают в полемику с классиками зачастую на равных. Обозначенные направления работы обычно дополняются созданием расширенных (электронных) версий антологий. Поэтапное структурирование таких информационных ресурсов может привести к формированию гипертекстовой мультимедийной системы «Энциклопедия самосознания русской культуры». Увеличение в составе серии доли книг, посвященных феноменам культуры, способствует достижению этой цели. Очерченная перспектива развития проекта является долгосрочной и требует значительных интеллектуальных усилий и ресурсов. РХГА приглашает к сотрудничеству ученых, полагающих, что данный проект несет в себе как научно-образовательную ценность, так и духовный смысл.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящее издание представляет собой опыт антологии критических и научных рецензий и исследований творчества А. Н. Толстого, написанных и увидевших свет в 1910–1995 гг. Ответим здесь на три вопроса, которые помогут читателю антологии понять принципы ее составления и найти в этой книге помощника в деле знакомства и дальнейшего изучения толстовского творчества.

И самый первый вопрос — это вопрос о временных рамках создания помещенных в этой антологии откликов. Как известно, путь Толстого в литературу начался в 1907 году выходом поэтического сборника «Лирика». Примерно тогда же или чуть позже он был замечен и удостоился самых первых упоминаний на страницах периодических изданий — вначале эпизодических и едва заметных, но потом, со временем, — все более отчетливых и ясно различимых. Эти отчетливые и ясно различимые отклики на первые публикации Толстого и открывают настоящее издание. Гораздо сложнее было решить, где следует поставить точку: облик толстовской науки меняется едва ли не ежечасно, все последние годы выходили и выходят новые исследования, с каждым из которых эта наука становится чуть более другой, не похожей на себя вчерашнюю. В виду этого нами было принято решение остановиться на середине 1990-х гг., которые очень условно могут быть названы временем возникновения новых информационных технологий и, в первую очередь Интернета, до неузнаваемости изменивших всю систему научного исследования, научной коммуникации и архивирования исследовательской информации, в связи с чем исследования последних десятилетий сегодня гораздо доступнее для исследователя чем те, которые были написаны в «доинтернетную»

эпоху. Вместе с тем труднодоступность критических и научных источников, которые создавались «до Интернета», до некоторой степени деформирует в глазах читателя и самого Толстого, и его восприятие читателями, к которым Толстой приходит уже сложившимся, проинтерпретированным и переинтерпретированным, верно или ошибочно понятым. Настоящее же издание выпрямляет искривленную линию читательской и исследовательской реакции на творчество Толстого, показывая эволюцию писателя и оценок написанного им в разные годы. Подчеркнем, что ставя точку на середине 1990-х гг., мы ни в коем случае не отказываемся от всего, написанного после, надеясь, что те, кто будет продолжать наше дело, в свое время соберут и поместят под одной обложкой и те толстовские исследования, которые родились после 1995 года и рождаются по сей день.

Следующий вопрос — это вопрос об отборе текстов для настоящего издания. На протяжении всего XX столетия, выступающего вместе с Толстым одним из главных героев этой антологии, о Толстом писали многие и много — хваля и уничтожая, глубоко и поверхностно, оперируя фактами и надумывая невероятное. Поскольку сам жанр этого издания — это жанр «за» и «против», мы старались дать слово и первым, и вторым, и третьим, полагая, что из отдельных кусочков смальты в данном случае и может сложиться тот самый образ противоречивого, сложного, искрометного и жизнелюбивого художника, каким был Толстой. Мы не ставили перед собой задачу показать все или выявить тенденции — мы позволили высказаться разным, полагая, что читатель этой антологии сам вправе выбрать, с кем ему солидаризироваться и кому возражать и не соглашаться.

Наконец, последний вопрос — вопрос о структуре этого издания. Оно состоит из пяти разделов, соответствующих динамике становления сюжета восприятия толстовского творчества и охватывающих различные временные промежутки. Первый раздел включает в себя «доэмигрантские» отклики и рецензии 1910–1917 гг. Разумеется, ни сам Толстой, ни авторы первых откликов на его творчество не видели в этих текстах «доэмигрантских» рецензий — такими их сделала история, разделившая всю жизнь писателя и страны, в которой он жил, на «до» и «после», и именно это обозначение всего, оставшегося на другом берегу после отъезда писателя из революционного хаоса, представляется нам в данном случае наиболее точным и отвечающим тем смыслам, которые за ним встают. Соответственно второй, самый короткий раздел этого издания — отклики и рецензии периода, непосредственно предшествовавшего эмиграции и собственно

эмигрантского. Здесь следует обратить внимание, что среди помещаемых в этой антологии откликов есть как те, что выходили в эмигрантской печати, так и те, которые печатались в советских изданиях: в этой связи надо воспринимать и кривизну зеркал, в которых отражался Толстой в этих отзывах, — эта кривизна самой исторической ситуации, красноречиво о ней свидетельствующая и ее демонстрирующая. Третий раздел — советский, охватывающий в случае Толстого эпоху после возвращения в Россию (писатель вернулся осенью 1923-го) и до кончины в феврале 1945 года. Этот более чем двадцатилетний период был чрезвычайно насыщенным и мог бы быть в свою очередь поделен на два (до середины 1930-х и после), — мы намеренно отказались от этого деления, чтобы подчеркнуть единство эпохи и тех задач, которые стояли перед художником в виду исторической и социальной действительности, которая была частью него и частью которой был он сам. Два последних раздела этого издания — «доюбилейный» и «послеюбилейный» периоды изучения творчества писателя, охватывающие соответственно 1945–1982 и 1983–1995 гг. Столетие Толстого, пришедшее на конец 1982 и начало 1983 гг. (будущий писатель родился 29 декабря 1882 года по старому стилю и 10 января 1883 года — по новому) само по себе, конечно, никаким рубежом не явилось: изучали Толстого до него, изучали и после. Но в силу многих обстоятельств — и в том числе в силу того, что юбилей заставил исследователей подвести некоторые итоги и обозначить перспективы на будущее — облик до- и послеюбилейных исследований все же заметно разнится: если первые имеют либо явно мифотворческий, либо — эвристический характер, то вторые начинают заметно сторониться мифотворчества, ориентируются на постижение художественного новаторства Толстого, пытаются осмыслить не отдельные произведения и страницы творчества, а дать весь путь писателя целиком, от и до.

В заключение подчеркнем, что предпринимаемый на страницах этого издания опыт ревизии и обобщения критических и научных откликов на творчество Толстого несколько раз предпринимался нашими предшественниками: вначале 1960-х гг. И. С. Рождественской¹ и А. Г. Ходюком², в 1980-е гг. — С. В. Ко-

¹ *Рождественская И. С., Ходюк А. Г.* А. Н. Толстой. Семинарий. Л., 1962.

² *Писатель великого народа. Аннотированный библиографический указатель к 100-летию со дня рождения А. Н. Толстого.* Составитель С. В. Коренчук. Куйбышев, 1982.

ренчук и Н. В. Рябовой³ и др. Отметим также работу В. В. Перхина, ставшую первым опытом внимательного и беспристрастного анализа дореволюционных и советских откликов на творчество А. Н. Толстого⁴, — написанная больше сорока лет назад, эта работа не утратила своего значения и сегодня, и при составлении настоящего издания использовалась нами в качестве одной из главных его методологических предпосылок.

³ Литература о жизни и творчестве А. Н. Толстого (1974–1982) / Сост. Н. В. Рябова // Художественный мир А. Н. Толстого. Куйбышев, 1983. С. 196–207.

⁴ Перхин В. В. Художественная проза А. Н. Толстого в оценке дореволюционной и советской критики (1910–1945) // Художественный мир А. Н. Толстого. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1983. С. 101–135.

М. А. Перепелкин
АЛЕКСЕЙ Н. ТОЛСТОЙ В ПОИСКАХ ГАРМОНИИ.
ВЗГЛЯД ИЗ XX СТОЛЕТИЯ

Алексей Н. Толстой родился в декабре 1882 года — через неполные два года после кончины Ф. М. Достоевского и гибели Александра II. Дебютировал в литературе со сборником «Лирика» в 1907-м — спустя два года после «кровавого воскресенья» и примерно за три года до ухода великого Льва. Эмигрировал в 1919-м, за полгода до смерти Леонида Андреева, и вернулся в 1923-м, два года спустя после того, как был казнен Гумилев и не стало Блока. Жил, писал, шел на компромиссы, мечтал обойти тех, кто обходил его, и выйти сухим из воды и — вышел за несколько месяцев до конца войны и Победы, в феврале 45-го. Много раз проанализированный и переинтерпретированный, никем не понятый не только не до конца, но и наполовину, игравший роль за ролью и по ошибке спутанный его аналитиками и интерпретаторами с теми ролями, которые он играл год за годом и десятилетие за десятилетием. Алексей Н. Толстой — блестящий мистификатор и выдающийся мастер, взросление и творческая жизнь которого — плоть от плоти XX столетие, радостное и трагическое, вызывающее к человеку и уничтожающее в человеке все человеческое, — художник, которому выпало жить в эпоху великого переполоха, всем своим творчеством сумевший вслед за философом повторить великое «мир ловил меня, но не поймал».

1

Первые отзывы на произведения Алексея Н. Толстого датируются 1910 годом — тем самым, когда не стало одного Толстого, «первого», и начался осознанный и вполне самостоятельный путь в литературу

другого Толстого, «третьего». В 1910 году Толстой окончательно расстался со своей первой супругой — Ю. В. Рожанской, выпустил книгу стихов «За синими реками», «Сорочьи сказки», первый том повестей и рассказов и впервые «попытался шагнуть к роману»¹.

Первая книга — стихотворная — была встречена сдержанно: критики отметили, что «эта небольшая книжка имеет своё индивидуальное лицо»², что это «хорошая, свежая книга, где почти каждое стихотворение ценно»³ и, наконец, что «стихи А. Толстого несравненно слабее его рассказов»⁴. Что касается «Сорочьих сказок», то критика приняла их сочувственно и даже комплиментарно, охарактеризовав как «живые и изящные», «блещущие наблюдательностью и весёлым юмором»⁵, «отличающееся необыкновенной яркостью красок <...> произведение истинного художника, про которого можно сказать: “С природою одною он жизнь дышал, ручья разумел лепетанье”»⁶.

Но по-настоящему бурно критика отреагировала все-таки на рассказы и повести молодого писателя. «Мы с радостью приветствуем первую книгу молодого художника Алексея Толстого, — начал свой отзыв В. Л. Львов-Рогачевский. — Он подошел к помещичьей усадьбе и к деревне, как И. Бунин, как и Борис Зайцев, но показал их по-своему. У И. Бунина — степное безлюдье и “поэма запустенья”, у Б. Зайцева — “миф” о человеке, а лица героев овеяны “солнечно-полевым и радостным запахом”. У Алексея Толстого, в его рассказах, посвященных Заволжью, — не лирика, а эпос, и если у Зайцева душа героев расплывается, тает в полях и лесах, то у А. Толстого поля и степь вошли в деревенскую душу его героев»⁷. Сочувственно

¹ Толстая Е. Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 103.

² Полонский-Гусин В. Гр. Ал. Н. Толстой. Стихи. «За синими реками». Издательство «Гриф», 1911. Ц. 90 к. // Новая жизнь. 1911. Февраль. № 3. С. 283.

³ Волошин М. Поэты русского склада (А. Н. Толстой «За синими реками») // Утро России. 1911. № 21. 28 мая. С. 5.

⁴ Волькенштейн В. Гр. А. Толстой. Стихи «За синими реками» // Современный мир. 1911. № 2. С. 361.

⁵ Колтоновская Е. Гр. А. Н. Толстой. I. Сорочьи сказки. СПб., 1910. II. Повести и рассказы. СПб., 1911 // Вестник Европы. 1911. Январь. С. 352.

⁶ Без подписи. А. Толстой. «Сорочьи сказки» // Новости детской литературы. 1911. № 1. 15 сентября. С. 24.

⁷ Львов-Рогачевский В. Л. Граф Алексей Н. Толстой. Повести и рассказы. Книга первая. Санкт-Петербург: Издательство «Шиповник»,

отнесся к вступлению молодого писателя на литературную стезю и Г. И. Чулков, терпеливо констатирующий, что «когда Толстой напишет свои большие эпические повести, благодарный читатель, может быть, назовет его новым Рубенсом: уже теперь в первой его книге чувствуется любовь к плоти, к земле, от которой веет дурманом вожделения и крепкой, но полусонной страстью»⁸. Были однако среди первых читателей толстовских произведений и те, кто ждать не собирался и сразу же выдвинул требования по гамбургскому счету: «писатель с весьма слабой индивидуальностью и без всякого хаоса»⁹, «“бездн” у него никаких нет»¹⁰, «по существу, даже мелок»¹¹, «“голая” талантливость, в которую ничто не вмешано: ни помогающее ей, ни мешающее»¹². Впрочем, даже скептики, читавшие первый том толстовского собрания сочинений с предубеждением против «голой талантливости» и «инстинктивного творчества» — а Зинаида Гиппиус была как раз среди них — признавали, что «если инстинкт устойчив, он, развиваясь, может дать и подобие содержания, и сделать произведения этого писателя гармоничными и цельными, приятно-художественными»¹³.

Особый интерес у первых читателей Толстого по понятным причинам вызвала повесть «Заволжье», в которой критики рассмотрели не просто случайный и необязательный набросок современных писателю деревенских нравов, а полновесную и претендующую на то, чтобы иметь масштабное продолжение «бытописательную» картину. «Эта повесть — произведение наиболее значительное в сборнике и можно только поздравить “Шиповник” за такое “обновление вещества”, как привлечение гр. Толстого к участию в альманахе», — читаем в заметке М. Кузмина. «В повести “Заволжье”, равно, как в других вещах, появившихся в последние месяцы <...> чувствуется недурной “бытовик”, для кого быть не цель, а средство. Использованная среда — русское поместное дворянство, использованный мотив —

1910 // Современный мир. 1910. № 11. С. 161.

⁸ Кремнев Б. (Чулков Г. И.). Граф Алексей Н. Толстой. Повести и рассказы. Книга первая. Санкт-Петербург: Издательство «Шиповник», 1910 // Новая жизнь. 1910. № 1. С. 311.

⁹ Крайний А. (Гиппиус З. Н.). Разочарования и предчувствия // Русская мысль. 1910. № 12. С. 181.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 182.

¹³ Там же.

оскудение и разложение этого мира; а между тем свежая манера автора оживляет все это»¹⁴, — вторил Кузмину рецензент «Русского богатства», а В. Малахиева-Мирович, хоть и отметившая в своем отзыве разные просчеты и недоработки молодого автора, признавала, что «в “Заволжье” Алексея Толстого <...> очень колоритно и не без своеобразной смелости изображены сцены из полудикого быта глухих помещичьих усадеб»¹⁵.

Из всего сказанного видно, что в новый, 1911 год, двадцативосьмилетний писатель, который еще недавно был «не тем Толстым», вступил «тем самым» — сделавшим первые шаги и убедившимся в собственных силах, вкусившим похвалы и обжегшимся на неудачах, сейчас же замеченных критикой и упрекнувшей его за все его промахи. Колоритный и удивительно точный портрет начинающего писателя Толстого этого времени нарисовала в своих воспоминаниях о нем М. В. Неуструева, сестра однокашника Толстого по Самарскому реальному училищу, познакомившаяся с Толстым еще в Самаре и позже несколько раз встречавшаяся с ним в самом начале 1910-х гг. в Петербурге. Особенно показательной для характеристики только еще начинающего, но уже знающего себе цену писателя, является сцена приглашения Толстого на земляческий вечер:

«Дня через три М<ария> В<асильевна> опять звонила в квартиру Толстого. Дверь открыл сам Ал<ексей> Ник<олаевич>. Вид у него был очень усталый, волосы растрепаны.

— Ах, Маничка, вот хорошо, что Вы меня застали, а то мне скоро уходить... Я прочел Вашу записку, конечно, я согласен и даже с большим удовольствием приеду к землякам, но у меня два условия, и Вы их хорошо запомните и выполните: 1) Вы купите том моих рассказов, он стоит недорого, один рубль, но у меня нет этого тома, и привезете на вечер, и 2) Вы обязательно пригласите пианистку Веру Попову [(как потом стало известно, это дочь профессора Попова, изобретателя радио)]. Если Вы ее не пригласите, я читать не буду, — это мое условие. Она прекрасная, талантливая пианистка <...>

М<ария> В<асильевна> увидела входящего Ал<ексея> Ник<олаевича> Толстого под руку с Соф<ьей> Исааковной. Лицо у Толстого было серьезно и замкнуто. Черный сюртук

¹⁴ *Без подписи*. Литературно-художественный альманах «Шиповник» // Русское богатство. 1910. № 6. С. 150.

¹⁵ *Малахиева-Мирович В.* Литературно-художественный альманах. Издательство «Шиповник». Книга 12. СПб., 1910 // Русская мысль. 1910. № 6. Библиографический отдел. С. 165.

придавал строгости всей его фигуре. С<офья> И<сааковна> была прекрасна, как греческая богиня. Она и одета была соответствующим образом: огромное декольте обнажало не только грудь, но и большую часть стройной белоснежной спины, платье, свободной туникой спадая тяжелыми складками, обрисовывало прекрасную фигуру, вся белая, высокая, гордая, она улыбалась с царственной милостью.

Толстой отвел М<арию> В<асильевну> в сторону:

— Купили том моих рассказов?

— Конечно, — уверенно отвечала М<ария> В<асильевна>.

— Дайте, я выберу что читать.

М<ария> В<асильевна> обратилась к конферансье.

— У меня нет никакого тома, — растерянно ответил студент.

Это услышал Толстой и сразу вскипел:

— Что же Вы наделали?! Я приготовился читать, приехал.

В какое же положение Вы ставите меня?

Рассердился он не на шутку, и М<ария> В<асильевна> готова была заплакать, не зная, как поправить беду, но расстроенный конферансье вдруг что-то придумал.

— Мишка, — крикнул он товарищу-студенту, — вот тебе деньги — скачи!»¹⁶.

Как видно из приведенного фрагмента воспоминаний, только что выпустивший первый том своих сочинений Толстой ставит условия, «сердится не на шутку» и т. д. — и это, заметим, несмотря на факт его давнишнего знакомства с провинившейся мемуаристкой: но то, давнее знакомство, хоть и имеет к нему, нынешнему, отношение, но это отношение — косвенное, так как теперь он был совсем другим Толстым, печатающимся и замеченным критиками.

В 1911 году Толстой-художник продолжал описывать деревенскую и усадьбную жизнь, а критика продолжала отыскивать в его изображениях перегибы и недоработки. «В рассказах графа Алексея Н. Толстого, вызвавших немалый шум в печати, народ расплылся неясным пятном, остался только зловещим, мутно-красным, задним фоном, на котором чудовищными тенями проходит, ужаснувшая автора дворянская, усадьбная жизнь»¹⁷, — писал А. В. Амфитеатров. «Молодой и плодовитый писатель гр.

¹⁶ *Перепелкин М. А.* А. Н. Толстой в воспоминаниях М. В. Неуструевой. Часть 2. Алексей Николаевич и Мария Васильевна // Литературный факт. 2024. № 3 (33). С. 130–132.

¹⁷ *Амфитеатров А. В.* Литературные впечатления // Современник. 1911. № 2. С. 273.

А. Н. Толстой специализируется на повествованиях о быте нашего помещного дворянства и с большой искренностью и художественностью изображает эту среду скопищем настоящих монстров, только отнюдь не на той почве, которая показывается современной группировкой общественных сил. Современностью-то как раз и не грешат писания гр. Толстого <...> Даже в тех редких случаях, когда пробует использовать какой-нибудь эпизод из наших дней, этот эпизод получает у него архаическую окраску, разрабатывается в тонах далекого прошлого <...> Ну, что же, сказал бы я, ему и книги в руки, — если бы передо мной не лежало других, не менее компетентных показаний, обнаруживающих, что в таких заведениях наших усадеб водятся не одни дикие и слабые страшилища и, следовательно, кругозор гр. А. Н. Толстого страшно сужен»¹⁸, — продолжал разоблачать молодого писателя С. А. Адрианов. «Молодой беллетрист рисует такие мрачные картины из быта современного русского дворянства, так ярко изображает оскудение и полное нравственное падение дворянской среды, так беспощадно вскрывает все язвы в повседневной жизни наших дворян, так откровенно повествует об отдельных фактах и эпизодах из нее, что стыдно становится за изображаемую им среду»¹⁹, — вторил Адрианову С. Ф. Либрович (Лукиан Сильный).

И вместе с тем, несмотря на все упреки и увещания в адрес молодого беллетриста критика продолжала этого беллетриста хвалить и восхищаться им. «Что гр. Толстой талантлив, больше даже — что у него крупный, выдающийся талант, — это признает теперь почти вся критика»²⁰, — хоть и не без сожаления констатировал все тот же Лукиан Сильный. «Если бы гр. Ал. Толстой написал книгу небылиц — ему и тогда нельзя было бы не поверить. Странная у него способность подчинять, покорять, зачаровывать читателя силою своего таланта»²¹, — признавался и В. Полонский. А скептически настроенный по отношению к земляку самарский критик тем не менее начал свой критический очерк о Толстом не менее неожиданным признанием: «Пришел он внезапно, неожиданно, широко взвился на литературном небосклоне и сразу заблистал звездой первой величины. Сначала в нем увидели заурядный литературный метеор.

¹⁸ Адрианов С. Критические наброски // Вестник Европы. 1911. № 6. С. 332–339.

¹⁹ Сильный Лукиан. Писатель, заставляющий краснеть // Вестник литературы. 1911. № 6. С. 161.

²⁰ Там же.

²¹ Полонский В. О рассказах гр. Ал. Н. Толстого // Новый журнал для всех. 1911. Апрель. № 30. С. 77.

Вот он взвывается, заблестит и сейчас же потускнеет и полетит вниз, рассыпавшись мелкой бисерной пылью...»²²

Отметим, что, вероятно, ощущавшая свою непоследовательность в оценках Толстого критика попыталась выйти из сложившейся противоречивой ситуации и прибегла к объяснению собственных метаний с помощью термина «новый реализм», который впервые промелькнул в короткой заметке Н. Архипова («За последнее время выдвинулось новое течение, которое выросло на почве символизма, но в лице своих представителей пытается утвердить связь с новым реализмом. Отказавшись от методов натурализма, они в то же время хотят сочетать себя с началом национальным, с землею и с почвой»²³), но был быстро усвоен и вскоре стал едва ли не общим местом в рецензиях на толстовские сочинения. «Возрождение реализма, постепенный переход от отвлечённого символизма к полной конкретности, это, несомненно, тот путь, по которому направляется главное русло новой литературы, — констатировала Е. А. Колтоновская в статье «Пути и настроения молодой литературы. — Это отнюдь не возвращение к старому, а движение вперёд. Старый “вещественный” реализм, достигший у большинства художников пышного расцвета, отжил своё и в целом невозвратим. Литература нащупывает теперь возможности нового, одухотворённого реализма — того реализма, который, давая нам внешнюю правду вещей, не утаивал бы и её внутренней сущности, раскрывал бы в отдельных явлениях общий смысл жизни»²⁴. Проблески именно такого, «нового, одухотворённого реализма», Колтоновская увидела в толстовских сочинениях и особенно — в его «Заволжье». «Меня сейчас в Алексее Толстом II особенно интересует именно его молодость, — писал и С. А. Венгеров. — Молодость всегда привлекает к тому, что имеет будущность, и присоединение именно молодых сил к возрождающемуся реалистическому течению указывает на его живучесть, на его органическую связь с определённо выявляющеюся потребностью времени»²⁵.

²² Ардов А. Бытописатель русского вырождения // Самарская газета для всех. 1911. 18 июня — 1 июля. № 99. С. 2.

²³ Архипов Н. Заметки о литературе // Новый журнал для всех. 1910. № 18. С. 112–113.

²⁴ Колтоновская Е. Пути и настроения молодой литературы // Всеобщий журнал литературы, искусства, науки и общественной жизни. 1911. № 2. С. 23.

²⁵ Венгеров С. А. Литературные настроения // Русские ведомости. 1911. № 14. 19 января. С. 3.

Так или иначе, с первых шагов, сделанных писателем в поисках своей литературной стези, критика пристрастно следила за ним, не прощая никаких просчетов и, напротив, щедро кредитую за будущие успехи. «Граф А. Н. Толстой — один из замечательнейших современных рассказчиков. Он умеет рассказывать увлекательно, талантливо, живо, умно; не давая читателю опомниться, он с первых шагов властно захватывает его и заставляет следить за полетом своей фантазии с неослабным вниманием и жадным интересом»²⁶, — объявляли одни. «Первой величиной <...> ему никогда не быть; а во втором ряду современных художников слова он будет занимать и занимает свое определенное место»²⁷, — уверенно констатировали другие. Между тем, сам Толстой продолжал искать себя и свое слово, экспериментировал с формой и жанром, всматривался в действительность и пробовал приблизиться к ней как художник, прекрасно осознававший, что сама фамилия, которую он носит и с которой он вошел в литературу, ко многому обязывает и ставит его под прицел читающих и пишущих о нем.

В 1912 году множество откликов вызвал толстовский роман «Хромой барин», отмеченный, по словам А. Н. Чеботаревской, «всеми недостатками и достоинствами этого автора»²⁸. К первым Чеботаревская отнесла дефицит в романе «подлинного творчества или хотя бы то, что на писательском языке называется “выдумкою”»²⁹, ко вторым — «весьма яркую образность и пышную изобразительность языка»³⁰. На эту же двойственность толстовского романа указал и критик «Нового времени» А. А. Бурнакин, который констатировал, что «хотя А. Н. Толстой все еще выдумывает, пишет “из себя”, как его осенит, хотя мало в его романе достоверности, хотя сочинены его герои и фантастичны их деяния, хотя нет разумного довода этому писателю и нет прочного основания происходящим пассажам, но выдумка так сочна и ярка, оценки и положения столь натуральны и занимательны, герои начинены таким буйным пафосом, шаги

²⁶ Садовской Б. Граф Алексей Н. Толстой. Сочинения. Книга вторая. СПб., изд. «Шиповник» // Современник. 1912. № 4. С. 361.

²⁷ Иванов-Разумник Р. В. Сочинения. Том II. Творчество и критика. СПб.: Прометей, 1911. С. 79.

²⁸ Чеботаревская А. Первый сборник издательства «Товарищества Писателей». СПб., 1912. Ц. 1 р. 25 к. // Новая жизнь. 1912. № 4. С. 230.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

их так искренно-стремительны, весь роман клокочет такой непосредственностью, таким “лирическим восторгом”, что в конце концов чтение романа дает приятное ощущение чего-то нового и освежающего»³¹. К этому А. А. Бурнакин прибавляет следующее: «Но главное, что примиряет с Толстым, это проявления в его письме чистоты, целомудрия»³². С последним не согласился М. Кузмин, который ни чистоты, ни целомудрия в сочинении Толстого не заметил, но зато похвалил писателя за «большую цельность фабулы», в силу чего «роман значительно проще, серьезнее и крепче предыдущего. Многие сцены и положения, взятые независимо от психологической связи, — очень действенные и глубоко волнуют»³³.

У нас нет ответа на вопрос, читал ли Толстой отзывы критиков на свои произведения и, если читал, как на них реагировал — соглашался, недоумевал, спорил? Полагаем, что читал и читал внимательно, пристрастно, — тем более, когда это были первые отклики на то, что волновало его и с чем он шел к своему первому читателю. Спорил ли? Возможно, с чем-то не соглашался и спорил, но так, как спорит художник — другими сюжетами, следующими произведениями. Думается, что трудно было не согласиться с тонкими наблюдениями М. Кузмина, который заметил, что целесообразность поступков многих толстовских персонажей остается сомнительной: «никогда нельзя предположить, как они поступят, и еще менее можно догадаться, почему они делают то или другое»³⁴. Хотя и другими словами, но об этом же справедливо писал и другой критик, вероятно, тоже внимательно прочитанный Толстым — А. Е. Редько, отметивший, что «Алексей Толстой — если так можно выразиться — органический и стихийный преувеличитель; его образы выходят такими, как размахнется рука. Если размах не выйдет за пределы листа бумаги, на котором пишет автор, обстоятельства благоприятствуют читателю: получается образ сочный, яркий, отчетливо и надолго остающийся в памяти. Но рука автора ограничена лишь случайностями вдохновения. Поэтому

³¹ Бурнакин А. Литературные заметки. Сомнения и надежды // Новое время. 1912. № 12928. 9 марта. С. 6.

³² Там же.

³³ Кузмин М. Издательство товарищества писателей. Сборник I. СПб., 1912. Ц. 1 р. 50 к.; *Граф Алексей Н. Толстой. Повести и рассказы*, книга II. СПб., «Шиповник», 1912. Ц. 1 р. 25 к. // Аполлон. 1912. № 3–4. С. 104.

³⁴ Там же.

ничто не мешает размаху выйти далеко за пределы листа бумаги, и тогда читателю приходится остановиться в явном недоумении. В минуты возбужденного, страстного — если так можно выразиться — воображения для автора все возможно, все может казаться правдивым и приемлемым»³⁵. Правы ли были толстовские критики, уличавшие его в «случайностях вдохновения», а его героев — в нелогичности и непредсказуемости поступков? Да, и еще раз да, и самому писателю здесь нечем было крыть и негде искать себе оправдания. Или — все-таки это оправдание было?

Поставленные выше вопросы справедливы и для толстовских произведений, написанных уже в 1913–16 гг., из которых внимание критиков привлекли, в основном, такие его сочинения, как «Земные сокровища», «Четыре века», «Большие неприятности» и «Приключения Растегина». Первое из них было встречено как «пестрая мозаика», в которой «нельзя не увидеть случайность в сочетании отдельных подробностей, разрушающих общую структуру “романа-хроники”»³⁶. В рассказе «Четыре века» критика увидела смешение «бытовых и идеологических черт»³⁷, а в рассказе «Большие неприятности» — «небрежность слова, возведенную в закон»³⁸ («Широко берет автор, но выходит вычурно, надуманно и жеманно, все превращается “в даму в шляпе”, где есть намеки, краски, талант, но нет живого духа, которым бы прониклось целое»³⁹). Наконец, «Приключения Растегина» были оценены как «“поэтический беспорядок”», в котором «развертываются эпизоды из жизни помещиц Русь»⁴⁰. Разумеется, критика этих и других толстовских сочинений не всегда была однозначна в своих оценках: одни произведения писателя нравились ей больше, другие — меньше, критики спорили и не соглашались друг с другом, почти все видели в Толстом крупный и несомненный талант и мотивировали, в чем именно этот крупный талант ошибается и недотягивает до установленной ими для него высокой планки...

³⁵ Редько А. Е. Из литературных впечатлений. Издательское т-во писателей. Сборник первый // Русское богатство. 1912. № 4. С. 133.

³⁶ Гвоздев А. Литературная летопись // Северные записки. 1916. № 6. С. 142.

³⁷ Колтоновская Е. Пути и грани молодой литературы // Вестник Европы. 1915. № 3. С. 335.

³⁸ Щеглова Л. «Слово». Сборник третий. Книгоиздательство писателей в Москве // Современник. 1914. Май. С. 116.

³⁹ Там же. С. 117.

⁴⁰ Без подписи. А. Толстой. Приключения Растегина // Бюллетени литературы и жизни. 1916. № 21–22. С. 417.

Толстой же решал свою собственную задачу, какой она ему виделась и как он ее для себя сформулировал: задачу изобразить человека, современника, который только притворялся человеком прежней эпохи — помещиком, мужиком, «хромым барином» и т. д., и как человек прежней эпохи должен был быть логичным и последовательным, передвигающимся по своим жизненным векторам и линиям. Толстовский же человек — другой, и, изображая его, нужно было не вычерчивать линии, а действовать так, «как размахнется рука». Это хорошо понимал Толстой, но не всегда понимала критика, требующая от писателя правдоподобия, от которого он уходил всеми доступными ему способами, а не стремился к нему. Толстовский человек был, если можно так выразиться, «человеком во все стороны», совмещавшим в себе столько противоречий и разностей, что та литература, с которой был знаком толстовский современник, была просто не в силах к этому человеку приблизиться. Этот человек и был человеком эпохи великого переполоха, когда рухнул не только мир Божий, описанный русскими классиками от Пушкина и Гоголя до Достоевского и Льва Толстого, но и практически стерлась память о нем, поддерживавшая человека и не дававшая ему опустить руки. К этому человеку, оставшемуся в мире без Бога, и было приковано внимание «органического и стихийного преувеличителя», как назвала Толстого недоразобравшаяся в существе его художественной задачи критика.

Особняком от остальных толстовских сочинений доэмигрантского периода стояли две его «военные» книги — «На войне» и «На Кавказе, в Англии, по Галиции и Волыни». Может показаться странным, но обе эти книги, чрезвычайно важные для Толстого, были меньше других замечены критикой, не пропускавшей мимо своего внимания почти ничего, что выходило в эти годы из-под пера не так давно вступившего в литературу, но уже завоевавшего в ней себе прочное место писателя. Одним из немногих рецензентов, отзывавшимся на эти сочинения, был Н. П. Ашешов, который, заметим в скобках, знал Толстого еще ребенком, был знаком и общался с его матушкой, А. Л. Толстой, в период их сотрудничества в «Самарской газете», а потому — не расточал по адресу молодого писателя напрасных похвал, но и не выдвигал поверхностных обвинений и упреков. По словам Ашешова, при всех очевидных минусах и неудачах Толстой-автор военных очерков «остается цельным и вдумчивым художником. В нем нет шовинизма и опьянения жутко-сладким вином войны. Нет развязности и бахвальства всезнаек, пишущих о войне за десятки верст от нее. Но ярко проявляется в нем одна черта — автор ищет

того нового, что приносит с собой война Руси. Автор улавливает эти душевные сдвиги и уже конкретно говорит о самоочищении русской души в смысле нового самопознания, нового утверждения личности и ее достоинства»⁴¹. Но едва ли не более точной и даже пророческой была другая рецензия Ашешова, опубликованная в «Современном слове»: «Много таких фактов и наблюдений собрал гр. Толстой в поспешной и торопливой книжке, рожденной в муках газетного дня. Но полезная она, эта книжка, потому что осенена пытливым мыслью и такой проникновенной любовью к русскому народу, являя в рядах армии такие качества души, что беглость книги и поверхностность ее должны считаться лишь легко простительными недостатками. Они искупаются искусностью художника, красивой простотой и полным отсутствием какого бы то ни было национального бахвальства, несмотря на восторженные отзывы его о солдатской доблести. Книга гр. Толстого достойна быть отмеченной одной из первых во всеобщем ряду литературы, вдохновленных войной. Она — первая ласточка»⁴². Пророческой рецензия Ашешова была, прежде всего, в отношении самого Толстого, который увидел в мировой войне возможное завершение того великого перелома, в котором жил он сам и его современники⁴³, — ошибался ли он в этом, покажет время, но в августе 1914-го писатель полагал, что по окончании войны «настанет... прекрасный век», в котором не будет никаких следов перелома, в котором перемешались земные сокровища и глухой морок, правда и неправда, глубинное и поверхностное.

Пройдет совсем немного времени, и завтрашний Толстой не узнает себя вчерашнего, позади останутся и все сказанные о нем и о его произведениях слова, отошедшие в прошлое вместе со страной, которая в одночасье превратилась в минувшее.

⁴¹ Ал. О. [Ашешов Н. П.]. Гр. Алексей Толстой. На войне // Современный мир. 1915. № 2. С. 342.

⁴² Ал. Ож. [Ашешов Н. П.]. Литературные мотивы. «На войне» графа Алексея Н. Толстого // Современное слово. 1915. № 2524. С. 2.

⁴³ Характерно в этом отношении, например, письмо Толстого отчиму, А. А. Бострому, написанное в августе 1914 года: «Конечно, ты знаешь, что это мировая война, в которой погибнет наша цивилизация, и настанет, наконец, прекрасный век» (Алексей Толстой и Самара. Из архива писателя. Куйбышев, 1982. С. 257). О «рубежности» для него этого периода Толстой говорил и позже: «...Война и женитьба на Наталии Васильевне Крандиевской были рубежом моей жизни и творчества. Я ушел от литературных кружков и коснулся жизни. Моя жена дала мне знание русской женщины» (Цит. по: Толстой Никита. Из Воспоминаний // Аврора. 1983. № 1. С. 98).

2

В 1919–1923 гг. Толстой жил в эмиграции — во Франции и в Германии. Здесь им были написаны «Повесть о многих превосходных вещах (Детство Никиты)», «Аэлита» и роман «Хождение по мукам» — первая часть будущей трилогии.

Первая была встречена в целом восторженно, хотя даже восторженные критики не смогли понять в ней главного — не увидели, как этой повестью писатель по сути начинал свой «прекрасный век», рождавшийся на обломках «нашей цивилизации». «“Детство Никиты” можно отнести к числу лучших произведений Ал. Н. Толстого»⁴⁴, — писал рецензент берлинского «Руля». «Новая, выпущенная А. Толстым, повесть представляет несомненный шаг вперед в творчестве этого крупного таланта. Четкость и энергия формы, экономная собранность стиля, замечательная пластика образов, целомудренная гармония содержания, — все это выгодно отличает “Детство Никиты” не только от большинства произведений авторов, составивших себе имя в предреволюционную эпоху, но и от прежних созданий самого Толстого»⁴⁵, — вторила ему из-за границы «Печать и революция». «Впечатление ласковой поэзии и душевного уюта нарастает от страницы к странице, и с книжкой расстаешься, полюбив ее»⁴⁶, — признавался такой скептик, как А. Н. Горнфельд. «Ах, Алексей Николаевич, граф, Никита, грешник и “каторжник”, — вы не обманете нас, сколько ни притворяйтесь... Чудесная повесть ваша выдает вас с головою»⁴⁷, — ласково шутил И. С. Соколов-Микитов.

И тем не менее — «грешник и “каторжник”» Толстой обманул даже таких вдумчивых и проницательных рецензентов, как Горнфельд, Соколов-Микитов и другие. «По сравнению с исповедью Льва Толстого “Детство Никиты” представляется изящной и красивой игрушкой. Повесть Ал. Н. Толстого не волнует и не захватывает глубоко; он не поднимает в ней художествен-

⁴⁴ <Без подписи>. <Рецензия> // Руль (Берлин). 1922. 18 июня. № 481. С. 9.

⁴⁵ Горбов Д. <Рецензия> // Печать и революция. 1922. Выпуск VIII. С. 225.

⁴⁶ Горнфельд А. Алексей Толстой. Любовь — книга золотая. Изд. «Москва». Берлин, 1922. 91 стр; Повесть о многих превосходных вещах (Детство Никиты Рощина). Изд. «Геликон». Берлин — Москва, 1922. 161 стр. // Литературные записки. 1922. № 3. С. 17.

⁴⁷ Соколов-Микитов И. <Рецензия> // Новая русская книга (Берлин, Издательство И. П. Ладыжникова). 1922. № 5. С. 5.

ной нови, как это сделал Лев Толстой, — продолжал “Руль”. — Ал. Н. Толстой обладает несомненно крупным и оригинальным изобразительным дарованием. Оно чувствуется в каждой строке. Но он сам, как и его юный Никита, как бы теряется в толпе своих образов. Чрезвычайно характерно, что даже по такому интимному, бесхитростному рассказу, как “Детство Никиты”, трудно себе представить, да что же такое представляет собою сам этот десятилетний мальчик? У него нет ни одной черты, по которой, встретясь с ним в жизни, можно было бы узнать его, как мы узнаем, например, типы Толстого, Достоевского, Тургенева, неизменно повторяющиеся в самых разнообразных и все же по существу схожих вариациях»⁴⁸. А Н. П. Смирнов в «Красной Нови» был еще категоричнее: «Это — милая сказка в сумерках, — и даже не сказка, а сказочка — немножко наивная, для многих уже непонятная, но прекрасно рассказанная, очень похожая на музыку»⁴⁹. «Эта повесть примыкает к “Детству” Л. Толстого, “Запискам Багрова-внука” С. Аксакова, хотя значительно уступает им по глубине переживаний. Мальчик Никита менее интересен, чем герои Л. Толстого и С. Аксакова»⁵⁰, — сокрушался В. Л. Львов-Рогачевский, в свое время «с радостью приветствовавший первую книгу молодого художника Алексея Толстого»⁵¹, но теперь не рассмотревший в «Детстве Никиты» почти ничего, кроме слабого подражательства предшественникам.

Итак, мило — но вторично и подражательно, захватывает и влюбляет — но нет ни одной отличительной черты, автор повести и ее герой «теряются в толпе образов». А что же Толстой? А Толстой продолжал искать выход из того мира, который был для него миром переполоха, и находил его в самых неожиданных сюжетах и образах. Едва завершив работу над «Повестью о многих превосходных вещах», Толстой взялся за «Аэлилу». На первый взгляд между этими двумя произведениями не было почти ничего общего, но это — только на первый. А фактически

⁴⁸ <Без подписи>. <Рецензия> // Руль (Берлин). 1922. 18 июня. № 481. С. 9.

⁴⁹ Смирнов Ник. Алексей Толстой. Повесть о многих превосходных вещах (Детство Никиты). ГИЗ, 1925 г. // Красная Новь. 1923. Книга 5. С. 398.

⁵⁰ Львов-Рогачевский В. Граф Алексей Толстой // Львов-Рогачевский В. Новейшая русская литература. М.-Л.: Издательство Л. Д. Френкель, 1924. С. 77.

⁵¹ Львов-Рогачевский В. Л. Граф Алексей Н. Толстой. Повести и рассказы. Книга первая. Санкт-Петербург: Издательство «Шиповник», 1910 // Современный мир. 1910. № 11. С. 161.

«Аэлита» вырастала из «Детства Никиты», продолжая уже найденные писателем интонации. Приведем одну небольшую цитату из рабочей тетради матери писателя, А. Л. Толстой, в последние годы жизни набросавшей план повести «Детство Лёши», которую она задумала, но не успела написать: «Сток сена, ночь и беседа о звёздах. Мама заканчивала, Лёше — хорошо, тепло, уютно и хочется слушать мамин голос, и он опять просит: “Мама, что такое звезды?”»⁵².

— Мама, что такое звезды? — давным-давно, кажется, еще в прошлой жизни, спрашивал юный Толстой у матери. Ответом на этот его детский вопрос и стала «Аэлита», написанная уже в Германии.

«Алексей Толстой, аристократический стилизатор старины, у которого графский титул — не только в паспорте, но и в писательской чернильнице, подарил нас “Аэлитой”, вещь слабой и неоригинальной, — мгновенноотреагировал на выход “Аэлиты” Г. Лелевич. — После Уэльсовских фантазий, после интереснейших утопий А. Богданова полёт фантазии Толстого кажется невысоким»⁵³. Характерно и само название рецензии, принадлежащей перу «напостовца» Лелевича — «Бесплодная смоковница»: название, свидетельствующее о том, что чем продуктивнее были поиски Толстого, тем агрессивнее они встречались его некоторыми современниками и критиками, которые не могли и не хотели увидеть в этих поисках выход на ясную писательскую дорогу.

Были, правда, среди критиков Толстого и другие — внимательные и разборчивые, и среди них — В. П. Полонский, одним из первых откликнувшийся на выход за границей «Хождения по мукам».

«Из всей плеяды русских писателей, ушедших на “тот берег”, Ал. Н. Толстой оказался чуть ли не единственным, чей талант не растерял своих красок, — так начал Полонский свою рецензию. — Роман, с которым мы хотим познакомить читателя “этого берега”, представляет собой, бесспорно, самое крупное явление художественной литературы, созданное белой эмиграцией в эпоху революции»⁵⁴.

⁵² Цит. по: Перепелкин М. А. Вокруг «Детства Никиты»: мир — слово — смысл. Самара: Научно-технический центр, 2021. С. 70.

⁵³ Лелевич Г. Бесплодная смоковница // Лелевич Г. На литературном посту (Статьи и заметки). Партиздатство «Октябрь», 1924. С. 38.

⁵⁴ Полонский Вяч. О романе Ал. Н. Толстого «Хождение по мукам» // Печать и революция. 1923. № 1. С. 54.

«Давая высокую оценку новому произведению Ал. Н. Толстого» и «не считая его, однако, первоклассным», уже в самом начале своей рецензии Полонский обозначил меру, которой он будет этот толстовский роман мерить: «Нам показана Россия со всех концов в самую великую и трагическую эпоху ее истории, — и картина эта не может не вызывать в памяти имени другого автора, который аналогичную задачу некогда себе поставил, — и с нечеловеческим успехом осуществил. Этот автор — очень опасный сосед. После “Войны и мира” мы знаем, *как надо* подходить к такой задаче. Вопрос не только в разнице художественных дарований, в их относительных пропорциях. Лев Толстой *умел* видеть *всю* Россию *со всех сторон*. Ал. Н. Толстой этого сделать не смог. Его Россия — “Русь с одного боку”. Она преломлена при этом сквозь призму настроений, окрашенных цветом той среды, в которой художник выполнял свое произведение»⁵⁵. Таким образом, «мерой» для «Хождения по мукам» сразу же стала мера «Войны и мира», высокая и ко многому обязывавшая.

Далее рецензент остановился на отдельных удачах и просчетах романиста, отметив среди первых большое искусство в развертывании действия и превосходно выписанные индивидуальные фигуры и отдельные сцены: «Психологии <...> никакой <...>, но вот такие-то именно и удаются лучше всего Ал. Н. Толстому. Здесь наш автор силен, зорек и подмечает детали тончайшие»⁵⁶. Мастерски обрисованы, по словам Полонского, Даша и инженер Телегин, которые «подчеркнуто “хороши”»: «Эти двое — те праведники, ради которых стоит пощадить Содом и Гоморру»⁵⁷, и оба эти героя «оттеняют собою всю мерзость петербургской, интеллигентской России»⁵⁸. Неслучайно именно этих героев писатель ставит в «обреченное положение»: «Иван Ильич смутно понимает, что тут что-то не то. “Русская земля” содрогается от конвульсий, а они с Дашей, созерцая закат, смотрят друг другу в глаза и чувствительно вздыхают <...> Такие сентименты им не простит “Русская земля”»⁵⁹. Смогут ли герои найти выход из этого «обреченного положения»? У автора рецензии нет ответа на этот вопрос. «Как это произойдет — мы узнаем, вероятно, во второй части трилогии, если ей суждено увидеть

⁵⁵ Там же. С. 55.

⁵⁶ Там же. С. 56.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 60.

свет»⁶⁰, — констатировал Полонский прежде, чем перейти к разбору просчетов автора романа.

Просчеты же, по мнению рецензента, были связаны не столько с художественной стороной романа, сколько с его идеологией, которая и не могла быть другой в той ситуации, в которой роман создавался: «Автор “Хождения по мукам” вместе с прочими эмигрантами разделял все очарования и разочарования русской белогвардейской интеллигенции <...> Печать белого берега лежит на романе»⁶¹. «Неверные ноты, — пишет дальше Полонский, — не перестают звучать на страницах, где автор говорит о революции <...> С точки зрения «нашего берега», революция — освобождение, борьба за будущее, этим будущим оправдывающая жестокость, кровь, все трагические гримасы. Все это — чистилище, сквозь которое лежит тернистый путь в обетованную страну завтрашнего дня. С точки зрения «того берега», революция — разгром культуры, восстание голодных дикарей против благородной породы человеческой, грабеж, захват, голод, неоправданное насилие»⁶².

Представляет любопытство и финал статьи Полонского, констатирующего, что «по напечатании первой части трилогии в некоторых точках зрения автора произошел перелом»⁶³. Что за этим переломом последует, критик, разумеется, не знал — не знал этого и сам Толстой; не знал но — уже не исключал, не отвергал с ходу и начинал задумываться о будущем возвращении, которое произойдет осенью 23-го года, но началось — гораздо раньше, и среди причин этого будущего возвращения не последнее место занимали причины художественного развития, поставившие перед писателем вопросы, на которые он должен был ответить.

В 1919-м Толстой бежал от голода и выстрелов, революционного беспорядка и неразберихи, но главное — от того переполоха и безбожия, который пронизательный художник ощутил задолго до политического переворота в стране и всех последовавших за этим переворотом событий. Живя за границей и работая над «Повестью о многих превосходных вещах», «Аэлитой» и «Хождением по мукам», писатель научился жить вне переполоха — тайной жизнью художника, которому необходимо слышать русскую речь, ощущать себя частью России и при этом — день за днем и слово за словом строить свой внутренний храм, которо-

⁶⁰ Там же. С. 61.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 64.

⁶³ Там же. С. 69.

го не смогут коснуться никакие переполохи и революции. Если четыре года назад из страны уезжал по-своему растерянный и почти безголосый писатель, у которого отнимали его историю и почву, то возвращался в нее уверенный в своих силах и в тех смыслах, к которым он научился проникать и прикасаться, человек и художник, знающий, зачем и как он будет жить и писать не на *том*, а на *этом* берегу «Русской земли».

3

Возвращение Толстого из-за границы было встречено сразу несколькими крупными публикациями, посвященными ему и его творчеству: для писателя, пятнадцать лет активно пишущего и публикующегося, эти публикации совсем не были чрезвычайной неожиданностью, хотя и означали, что, вернувшись, Толстой вернулся не иначе как в статусе современного классика со всеми вытекающими требованиями к нему и к тому, что выходило из-под его пера.

Одним из первых развернутую статью о Толстом опубликовал в «Русском современнике» К. И. Чуковский, который начал свой очерк о толстовском творчестве с констатации того, что «когда лет пятнадцать нащал Ал. Толстой только что появился в печати, он привел с собою целую толпу скудоумных <...> Таким образом, перед нами явился писатель, который по непонятной причине, чуждается логоса, убегает от каких бы то ни было больших или малых идей. И это было тем более странно, что в ту роковую пору, когда он начал писать <...>, русская литература с надрывом решала огромные мировые вопросы и кипела вулканическими мыслями о смерти, о боге, о погибельных путях человечества»⁶⁴.

Чуждость логике и отсутствие каких бы то ни было идей вполне сказались, с точки зрения Чуковского, в «Повести о многих превосходных вещах», где «мерилом вселенной поставлен немудрый девятилетний младенец»⁶⁵. А вот в «Двух жизнях» Толстой «затосковал по уму»⁶⁶, и затосковал напрасно, потому что «“Две жизни” доказали с математической точностью, что новый писатель именно постольку талантлив, поскольку он отрешен от идей, и что его талант умирает, едва он оказывается

⁶⁴ Чуковский К. Портреты современных писателей. Алексей Толстой // Русский современник. 1924. № 1. С. 256.

⁶⁵ Там же. С. 257.

⁶⁶ Там же.

в чуждой ему — идеологической — сфере»⁶⁷. Чтобы доказать эту истину самому себе, Толстой, полагает Чуковский, сочинил еще один идейный роман, весь пронизанный Достоевским, — «Хромой барин», и больше «к удовольствию всех, не покушался на идейные романы»⁶⁸. В силу этого, суммировал автор очерка, «каждая книга Алексея Толстого есть, в сущности, “Повесть о многих превосходных вещах”»⁶⁹.

Отдельное внимание Чуковского уделено недавно написанным «Хождению по мукам» и «Аэлите». Причем первый, по словам критика, «есть роман нарочито-старинный»⁷⁰, а вторая «в ряду его книг — небывалая и неожиданная книга, книга не о прошлом, но о будущем»⁷¹, превосходная вещь, так как «она служит пьедесталом для Гусева»⁷², который «похож на другого национального героя, на ершовского Ивана-Дурака»⁷³. «Выдумывать Гусева ему не пришлось, — констатировал Чуковский, — потому что он и сам такой же Гусев: веселый, счастливый, здоровый, ребячливый, бездумный, в высшей степени русский талант»⁷⁴.

Автором другого развернутого очерка о Толстом был Г. Е. Горбачев, посвятивший Толстому довольно большой раздел в своей книге «Очерки современной русской литературы». Толстой для Горбачева — «поэт из усадьбы»⁷⁵, «Толстой-реалист», который «уживается вполне мирно с Толстым-стилизатором фантаслических сказок и стихов на темы народных поверий и автором стилизованных фантастических рассказов»⁷⁶. В толстовском «Хождении по мукам» Горбачев увидел преимущественно «картину трупного разложения “старой, милой и грешной” <...> жизни имущих и правящих»⁷⁷, а в «Аэлите» — «развитие в оригинальном преломлении двух одинаково реалистических тем»⁷⁸ — темы

⁶⁷ Там же. С. 258.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. С. 259.

⁷⁰ Там же. С. 268.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же. С. 269.

⁷³ Там же. С. 269–270.

⁷⁴ Там же. С. 271.

⁷⁵ Горбачев Г. Очерки современной русской литературы. Л.: Государственное издательство, 1925. С. 58.

⁷⁶ Там же. С. 59.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. С. 64.

любви и темы бунта, «конкретизированная как тема русской революции, понятая им, впрочем, очень своеобразно»⁷⁹.

Отозвалась на возвращение Толстого и «Красная новь», и отозвалась сразу двумя очерками, опубликованными в течение 1926 года. Первый из них назывался «Третий Толстой» и принадлежал перу В. А. Дынник, которая показала, что «в прежних своих произведениях — дореволюционных лет — А. Толстой противопоставлял мечту и действительность», а его творчество имело «интимно-психологический смысл»⁸⁰; революция же «из мечтателя сделала утописта, заставила его, хотя бы через мечту, приобщиться к широкому социальному сознанию»⁸¹. Вторым был очерк А. К. Воронского «Журавли над Гнилопятами», автор которого увидел в Толстом «сочного, богатого, отличного бытовика»⁸², обладающего «двойным зрением»: «Он хорошо видит жизненную мечтательность и понимает толк в жизненной чепухе»⁸³. «У нас нет бережного отношения к художникам, — резюмировал Воронский. — Нет его и к Толстому. А. Толстого поносят и разносят. Но, странное дело, читают его вещи с интересом. За ним нимаательно следят. Его знают наша молодежь, широкие партийные и советские круги. Нам кажется, что читатель здесь более прав, чем усердные поносители — критики и рецензенты. А. Толстой — редкий талант»⁸⁴.

Наконец, важным представляется назвать большой критический очерк П. Н. Медведева, открывший первое советское собрание сочинений писателя, первый том которого вышел в 1929 году.

«Толстому, — констатировал Медведев в первых строках своего очерка, — с критикой вообще не повезло. Формалисты просто им не занимались. Писатель, пишущий по-старинке, добродушно и просто, без обнажения приемов и “остранений”, Ал. Толстой не мог стать героем их романа <...> Марксистская же и примыкающая к ней критика, посвященная Ал. Толстому, за единичными исключениями, носит тот узко-публицистический характер, который еще Плеханову казался “смешным архаизмом”. Изучая писателя не исторически — в условиях социальной среды,

⁷⁹ Там же. С. 65.

⁸⁰ Дынник В. Третий Алексей Толстой // Красная новь. 1926. № 2. С. 223.

⁸¹ Там же.

⁸² Воронский А. Журавли над Гнилопятами // Красная новь. 1926. № 9. С. 189.

⁸³ Там же. С. 201.

⁸⁴ Там же. С. 207–208.

его сформировавшей, не следя за эволюцией его творчества, эта критика нередко впадает в догматический субъективизм, порою самый неприкровский: критик приписывает Ал. Толстому быть таким, каким он желал бы видеть современного писателя вообще, без учета того, чем может быть данный писатель — в силу своей социальной обусловленности. Отсюда, думается нам, происходит и догматический субъективизм такого критика и “смешные архаизмы” его критики»⁸⁵.

Далее Медведев предложил свою концепцию происхождения и развития писателя Толстого, который был «органически связан с дворянским периодом русской культуры»⁸⁶, но «все же “последним дворянским писателем” <...> не стал»⁸⁷, в силу чего «первые литературные выступления Ал. Толстого обнаруживают как раз преобладание интеллигентско-буржуазных влияний над типично-дворянскими художественными традициями»⁸⁸. В результате, показывает критик, «отдав дань увлечения модернизму, Ал. Толстой к 1910–1911 годам освобождается от его влияния и утверждает себя, во-первых, как прозаик, а не поэт; во-вторых, как прозаик-реалист и, в-третьих, как изобразитель, главным образом, нашей уездно-дворянской провинции эпохи после 1905 года»⁸⁹. Первым заметным и значимым рубежом в творческом развитии Толстого стали мировая война и революции: «...с эпохой войны и революции меняется не только стиль Ал. Толстого, но и материал его творчества. Именно война и революция дают ему и новые темы, и новых героев, и новую “философию”»⁹⁰, что полнее всего выразилось в «Сестрах», которые критик рассматривает как «роман переломный, порубежный. Во многом он является завершением и кульминационной точкой всего дореволюционного творчества Ал. Толстого, хотя написан он и после революции — в 1920–21 году»⁹¹. Порубежность этого романа для писателя критик видит, прежде всего, в позициях главных героев романа — Даши и Телегина: «Их обывательски-интеллигентский кругозор явно дал трещины, хотя еще и не рух-

⁸⁵ *Медведев П. Н.* Алексей Н. Толстой. Критический очерк. Толстой Алексей. Собрание сочинений. Том I. Четыре века. Рассказы, сказки, стихи. М.; Л.: Государственное издательство, 1929. С. V–VI.

⁸⁶ Там же. С. VI.

⁸⁷ Там же. С. VII.

⁸⁸ Там же. С. VIII.

⁸⁹ Там же. С. XIII.

⁹⁰ Там же. С. XXVIII.

⁹¹ Там же. С. XXXVI.

нул. Им предстоит еще большой путь, который, очевидно, они и пройдут в дальнейших частях эпопеи»⁹².

Попали в поле зрения Медведева и другие произведения Толстого, написанные уже в 1920-е гг. и несущие на себе следы идеологической неподготовленности писателя «к глубокому восприятию революционной современности»⁹³. Так, в толстовском «Детстве Никиты» автор очерка увидел «превосходный анахронизм»⁹⁴, в «Дне Петра» и других исторических произведениях — дефицит историчности и переизбыток театральности, в «Аэлите» — схематизм и абстракцию, в «Ибикусе» — авантюренность ради авантюренности. Вместе с тем, замечает критик, «у Ал. Толстого в эти годы наблюдается “смещение жанров”». Он пишет то авантюрные повести, то фантастические романы, то детективы. И думается, что это явление не случайное, что оно находится в связи и в зависимости от той ломки общего мировоззрения, которую переживает писатель в эти годы. Старые устои его рушились вместе со старой Россией. Закономерность новой жизни еще не осознана. Жизнь, потерявшая закономерность, становится сама авантюрной, клубком противоречивых событий, разрозненных происшествий, случайностей. Отсюда — жанровая сумятица и ее авантюрно-детективный уклон»⁹⁵.

Завершая очерк, Медведев показал, что в произведениях второй половины 1920-х гг. — «Восемнадцатый год», «Гадюка», «Гиперболоид инженера Гарина» — Толстой уже не похож на себя прежнего: «...в последние годы оптимистический реализм Ал. Толстого углубляется и вместе с тем деформируется. Новейшие произведения Ал. Толстого показывают, что столь характерная прежде для него “философия жизни”, с ее голым биологическим оптимизмом и обесмыслением всех смыслов, теперь для писателя неприемлема. Именно революция с ее сложнейшей проблематикой и решительной “переоценкой всех ценностей” сделала невозможной прежнюю позицию Ал. Толстого столь же наивную, сколь и безответственную. В углубленном восприятии жизни, неустанно корректируемом опытом революции, — дальнейший путь Ал. Толстого, если он хочет быть подлинно современным писателем. Думается, что Ал. Толстой намерен всерьез идти именно по этому пути. Во всяком случае, только при этом исходе

⁹² Там же.

⁹³ Там же. С. XXXVII.

⁹⁴ Там же. С. XXXVIII.

⁹⁵ Там же. С. XLIII.

он не рискует стать “хромым барином” современной литературы, хотя бы и очень даровитым»⁹⁶.

Очерк Медведева стал важным этапом в критическом прочтении Толстого и диалоге между писателем и критикой, так как по большому счету здесь впервые была предпринята попытка непредвзятого и вдумчивого анализа развития художника, решающего не сиюминутные задачи дня сегодняшнего, а существующего в большом времени, — и в этом-то большом времени пролегал путь Толстого, из эпохи предреволюционного переполоха вошедшего в эпоху войны и революций, а с чужбины вернувшегося на Родину, в русский язык и в российскую послереволюционную действительность. Обращают на себя внимание точность оценок Медведева, ясность сделанных им выводов при анализе творческого пути Толстого, неожиданно обрывающиеся там, где речь заходит о современности: для автора очерка «опыт революции» синонимичен жадно искомой и почти что найденной писателем гармонии, но так ли это было на самом деле и видел ли в революции гармонию Толстой? На наш взгляд, здесь все обстоит гораздо сложнее, и, дочитывая этот очерк Медведева, Толстой был вправе еще и еще раз произнести слова про мир, который ловил, но не поймал его, совсем не собирающегося быть «“хромым барином” современной литературы, хотя бы и очень даровитым», но и не спешащего присягать «революционному опыту» в любом обликии.

Рубеж 1920-х-30-х годов стал рубежом и в критическом осмыслении толстовского творчества, которое отныне сделалось предметом монографического изучения и научного анализа. Но эта рубежность видится нам еще и в том, что если до сих пор даже поносившая и разносившая, как выразился в свое время Воронский, Толстого критика пыталась или разобраться в нем и в его творчестве, или — рубила с плеча и клеила ярлыки, но делала это искренне и с энтузиазмом, то отныне критика и зарождающаяся наука о толстовском творчестве решали совсем другие задачи — идеологические и мифотворческие: из живого писателя, ищущего и ошибающегося Толстой с каждой новой публикацией перемещался в стан бронзовых истуканов с непогрешимой биографией и знанием политических и идеологических задач, которые он решал.

Очень характерной для понимания самого Толстого этого периода представляется нам короткая сцена, описанная сыном писателя Д. А. Толстым и относящаяся к декабрю 1931 года,

⁹⁶ Там же. С. LVII–LVIII.

когда в Ленинграде был убит Киров: «Под вечер раздался звонок, в передней появился отец. Лицо его было бледно-серого цвета. Мы все кинулись к нему: “Ну как? Расскажи! Кто же убийца?”. Помню, отец оглядел нас всех и около минуты простоял молча. Мы затаили дыхание. “Что вам сказать?.. Дураки вы все. Ничего вы не понимаете и никогда не поймете!” — резко, но не повышая голоса произнес он и поднялся к себе в кабинет. Раздался стук захлопнутой двери. Мы сгрудились в гостиной и стали шептаться. Через несколько минут Никита сказал: “Я понял все”. И, обращаясь ко мне, странно вытаращил глаза: “Но если ты когда-нибудь не то чтобы проговоришься, но даже издали намекаешь на это, помни: тебе — конец. Крышка”. — “Так что же?”. Никита посмотрел на потолок: “Он сам это сделал”. — “Кто он?”. — “Сам”. И я понял. Лишь позже, будучи взрослым, я оценил тогдашнее поведение отца»⁹⁷.

Итак, начиная с конца 1920-х годов выходят первые книги и развернутые статьи о Толстом, авторы которых — Э. Ф. Голлербах, М. И. Серебрянский, А. А. Старчаков, М. Ю. Леvidов, Н. М. Сидоренко, Б. Я. Брайнина и другие — предпринимали попытки охарактеризовать творческий путь писателя, определить особенности его реализма, обозначить место Толстого среди русских писателей. Изменились и интонации тех критических работ о Толстом, которые были посвящены его отдельным произведениям: их авторы — Е. Ф. Усиевич, В. О. Перцов, В. Р. Щербина — теперь прекрасно понимали, что пишут они о классике, каждое слово о котором должно быть взвешенным и согласованным с общей концепцией его творческого пути, одобренной на государственном уровне.

Особняком по отношению к другим работам о Толстом последнего пятнадцатилетия его творческой деятельности стоят небольшие публикации В. Я. Шишкова и С. Н. Дурылина, первая из которых была написана как доклад, прочитанный на 60-летие писателя в январе 1943 года, но опубликована только в 1945 году, а вторая увидела свет в 1943 году в журнале «Октябрь». Шишков, на протяжении длительного времени знавший Толстого, откликнулся на его юбилей докладом, уже в самом начале которого сформулировал основные позиции своего видения и оценок толстовского творчества: «Толстой много на своем веку перевидал, — и в этом его писательское преимущество. Он, как вкусивший от библейского “древа познания добра и зла”, испытал

⁹⁷ Толстой Д. А. Для чего все это было. Воспоминания. СПб.: Библиополис, 1995. С. 84.

разную жизнь, дурную и хорошую, он побывал во многих зарубежных странах, знал разную культуру, разную цивилизацию <...> Помимо всего прочего талант Толстого одарен здоровым юмором, — качество для писателя ценнейшее и встречающееся в природе весьма редко. Этот умный юмор помогает писателю в утверждении им жизненного начала: юмор, как волшебной палочкой, скучное обращает в нескучное, вызывает у читателей благодарную улыбку, делает произведение животрепещущим, натуральным, доподлинно верным художественной правде: ведь в живой жизни все переплетено — белое и черное, цветистое и блеклое, обжигающее и холодное, смешное и трагическое. Таков путанный узор человеческого бытия. Толстой прекрасно это понимает и умело пользуется врученными ему светлыми дарами природы»⁹⁸. С этим посылом Шишков анализирует в своем докладе и главные толстовские произведения — «Детство Никиты», «Сестры», «Ибикус», «Петра Первого», анализирует как художник — образно, живо, не оглядываясь на каноны и штампы.

Что касается другого критика, Дурылина, то здесь ситуация иная: как известно, литературовед, поэт и писатель, в 1920 году он был рукоположен в священники, служил в храме, был арестован, находился в ссылках, откуда вернулся в середине 20-х и жил в Подмосковье. Этот *особый* опыт автора статьи, спрятанный между строк его текста о Толстом, и делает этот текст интересным для современного читателя. Толстовское «хождение по мукам» Дурылин рассматривает как «хождение за родиной» и при этом показывает, что кончается это «хождение за родиной» для героев Толстого «обретением ее»⁹⁹: «Когда Алексей Толстой в своей трилогии ведет читателя то широким путем народа, “ходящего по мукам” героического строительства, то по зыбким тропам Роциных, пытавшихся своими узенькими тропками пересекать прямой путь народа, он утверждает суровый закон бытия, радостный в его непреклонности: нет личных судеб вне судьбы родины, нет для человека никаких дорог вне трудного, но прямого пути родного народа к будущему»¹⁰⁰. В этом же ключе понимает Дурылин и толстовского «Петра Первого», работа над которым хоть и вторглась в написание «трилогии о родине», но — не прервала ее: «Историческое величие созидательных сил русского народа, их живая неисчерпаемость, плодотворность творческого размаха

⁹⁸ Шишков В. Алексей Николаевич Толстой // Октябрь. 1945. № 3. С. 98.

⁹⁹ Дурылин С. Трилогия о родине // Лктябрь. 1943. № 4–5. С. 117.

¹⁰⁰ Там же. С. 118.

народа-строителя были для Алексея Толстого незыблемой истиной, — и чтоб сделать ее явной сомневающимся и оспаривающим, он решается прервать свою эпопею о революционном строительстве родины, которое было еще в самом разгаре, и принимается за другую эпопею о былом историческом строительстве <...> “Петр Первый” — это современнейшая книга на историческую тему; мы, поколение разрушителей старой жизни и строители новой, не можем без восхищения читать о славном разрушителе и строителе, жившем за два века до нас. Изобразив этот блистательно удавшийся опыт государственного строительства в прошлом, Алексей Толстой с новым одушевлением обратился к своей трилогии о новой народной стройке, величественные масштабы которой не могли не увлекать амсателя-патриота»¹⁰¹.

23 февраля 1945 года на 63-м году жизни Толстой скончался на подмосковной даче в Барвихе. Два дня спустя, 25 февраля, все центральные газеты опубликовали некролог под заголовком «Алексей Толстой», подписанный многочисленными деятелями искусства и науки, среди которых были Н. Тихонов, М. Шолохов, Г. Александров, С. Сергеев-Ценский, Л. Леонов и многие другие. Текст некролога отчетливо распадался на три смысловые части, в первой из которых давалась самая общая характеристика личности и творчества покойного: «...выдающийся русский писатель, гордость наша, талантливейший представитель советской литературы, пламенный патриот нашей Родины. Творчество Алексея Толстого явилось выражением лучших черт русского национального гения. Оно проникнуто безграничной любовью к Родине, человеку, правде и красоте мира сего»¹⁰². Следующая часть содержала краткое описание творческого пути, пройденного художником. В частности, обращалось внимание на то, что появление Толстого в литературе первым приветствовал М. Горький, отметивший талант начинающего писателя как «писателя несомненного крупного, сильного, с жесткой правдивостью изображающего психическое и экономическое разложение современного дворянства»¹⁰³. Далее делался акцент на том, что, несмотря на дореволюционное начало, развернулся талант писателя в советскую эпоху, назывались «главные» произведения Толстого — «Петр Первый», «Иван Грозный», «Хождение

¹⁰¹ Там же. С. 115–116.

¹⁰² Правда. 1945. 25 февраля. С. 3; Известия. 1945. 25 февраля. С. 3; Комсомольская правда. 1945. 25 февраля. С. 2; Красная звезда. 1945. 25 февраля. С. 3; и др.

¹⁰³ Там же.

по мукам». В заслугу ему ставилось то обстоятельство, что «он был одним из первых писателей, кто создал художественные образы вождей народов — Ленина и Сталина»¹⁰⁴. Наконец, в заключительной части некролога определялось место покойного в иерархии заслуг художников слова перед страной и советской литературой. Главной заслугой Толстого объявлялось то, что его творчество «связывает нашу классическую литературу с литературой социалистического реализма»¹⁰⁵.

В тексте некролога были обозначены три принципиальных для канонизации покойного момента: Алексей Толстой — национальный писатель и автор преимущественно исторических произведений; его смерть — событие, касающееся почти исключительно литературы. «Русскость», «историзм» и особенно «литературность» Толстого, вменяемые не то в заслугу, не то в вину писателю, становились особенно заметными на фоне, например, еще не совсем забытых горьковских некрологов, которые были напечатаны теми же периодическими изданиями менее десяти лет назад. Горький тогда был объявлен классиком мирового значения, прекрасно чувствовавшим современность и до конца неизменно откликавшимся на нее; его кончина выходила далеко за пределы собственно литературы и рассматривалась как событие государственного масштаба. В связи с последним обстоятельством обращал на себя внимание тот факт, что некролог Толстого подписан, как уже говорилось, исключительно людьми искусства и науки, среди которых не было ни одного руководителя страны.

Помимо официального некролога 25–26 февраля центральные газеты опубликовали по две-три статьи о Толстом разных авторов, а также извещения о смерти и соболезнования от организаций и учреждений. Авторами статей выступили М. Шолохов, Н. Тихонов, Б. Лавренев, К. Гамсахурдия, Н. Погодин, К. Тренев, К. Зелинский, П. Павленко, В. Ильенков, И. Майский, А. Игнатьев и некоторые другие. В статьях так же была предпринята попытка определить место покойного писателя в идеологическом пантеоне «инженеров человеческих душ». Каждая из них работала на уточнение положений, вынесенных в официальный некролог. Соответственно публикация статей была четко ранжирована, что отразилось не только в составе авторов, но и во многом другом, а именно — в каком издании была опубликована статья, как она называлась, в каком месте газетной полосы напечатана, каким шрифтом воспроизведен заголовок и т. д.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же.

Так, в «Правде» от 25 февраля были помещены статьи М. Шолохова «Могучий художник» и Н. Тихонова «Писатель великого народа». Первый из них, в 1939 г. избранный в Академию наук СССР, рассматривался как своеобразный преемник Толстого в жанре исторической романистики, второй — в 1944–1946 гг. занимал пост председателя правления Союза советских писателей. В статье Шолохова основной акцент сделан на военной публицистике Толстого, хотя, перечисляя жанры, в которых работал писатель, Шолохов — едва ли не единственный — называл также детскую сказку («Детская сказка, исторический роман или военный очерк — все в строгих и взыскательных руках Толстого обретало искрящиеся жизнью краски и поражало своей почти осязаемой скульптурной выпуклостью, могучим мастерством истинного художника»¹⁰⁶). В качестве главных произведений Толстого в статье были названы «Петр I» и драматическая повесть «Иван Грозный».

Тихонов в начале статьи разрабатывал тему «Толстой — мастер слова», утверждая мысль о непрестанном росте художественного мастерства писателя, которое находилось в прямой зависимости от его понимания народной жизни. Наивысшей степени своего расцвета писательский талант Толстого, по мнению Тихонова, достиг в романе о Петре и в эпосе о гражданской войне, страницы которой «полны смелой силой, приведшей людей Октября к всемирно-историческим победам и воспитавшей поколения, один на один сразившиеся с самым черным врагом человечества и победившие гитлеризм»¹⁰⁷. Интересен финал статьи, в котором пишущий идет не по пути сожалений и грусти, выбранному Шолоховым, а выбирает путь утверждения презрения к смерти. Эта идея реализуется автором через метафору «смерти в бою» и сравнение покойного писателя с бойцом, погибшим с гранатой в руках («Он умер с таким же презрением к смерти, не выпуская до последней минуты своего оружия из рук, умер, указывая дорогу вперед будущему искусству, неподкупному и бесстрашному»¹⁰⁸). Обратим внимание на впервые прозвучавшую в статье Тихонова мысль о «завещании» Толстого («...он завещал верность поэтическим истинам <...> любовь к творческому неугасающему порыву родного народа, которому он служил всей

¹⁰⁶ Шолохов М. А. Могучий художник // Правда. 1945. 25 февраля. С. 3.

¹⁰⁷ Тихонов Н. С. Писатель великого народа // Правда. 1945. 25 февраля. С. 3.

¹⁰⁸ Там же.

правдой своего искусства»¹⁰⁹) и на определение покойного как «веселого мудреца», «достойного великого сталинского века, в котором он жил»¹¹⁰.

Статьи, опубликованные в других изданиях, в целом мало чем отличались от названных. Правда, кроме главных произведений Толстого («Хождения по мукам» и «Петра I»), в них фигурировали также романы «Чудаки» (К. Зелинский), «Хромой барин» (Б. Лавренев, П. Павленко, К. Зелинский), «Аэлита» (П. Павленко), «Гиперболоид инженера Гарина» (П. Павленко), повести «Мишука Нальмов» (К. Зелинский) и «Детство Никиты» (Б. Лавренев, К. Зелинский) и некоторые другие.

Но настоящим завершением сюжета прощания с Толстым стали журнальные публикации, посвященные покойному писателю, — большая их часть увидела свет в феврале-марте 1945 года. Наиболее заметной стала подборка материалов, опубликованных в журнале «Новый мир». Ее открыли заметки А. Дроздова, написанные живым образным языком и не претендующие, по словам автора, на объективность и научность: «...о его наследстве будут написаны труды людьми, преданными художественному слову. Эти же заметки — только тень образа Толстого-художника, каким он живет в сердце сейчас, у его свежей могилы»¹¹¹. При этом Дроздов подчеркнул, что «со дня кончины Горького смерть Толстого — самый тяжкий удар для литературы», показав, однако, какова разница между горьковским и толстовским значением для отечественной словесности: «Толстой не был организатором наших литературных сил, их вождем и учителем подобно гиганту Горькому. Но он был их постоянным вдохновителем»¹¹². Роль Толстого, по мнению Дроздова, состояла в том, чтобы не давать литературе дремать, своим примером призывать соратников по перу работать — «ворочать камни, высекать искры, добывать руду». Особенность толстовского таланта автор заметок видел в его монументальности: «Как гора, возвышался он над равнинами жизни, и с ее высоты Толстой видел много и далеко. Его тянуло к большим полотнам, к мускулистым, многокровным, властным характерам, к героическим деяниям человека, к идеям столь высоким, что они переворачивают мир, умерщвляя ветхого

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Дроздов А. М. Умер Алексей Толстой. Заметки // Новый мир. 1945. № 2–3. С. 165.

¹¹² Там же.

Адама и рождая Человека с заглавной буквы»¹¹³. Самыми значительными произведениями писателя Дроздов назвал «Хождение по мукам» и «Петра I». Отдельное внимание было уделено патриотизму и «русскости» Толстого, понимаемой как народность и опора на традиции классической литературы.

Замечателен финал этих заметок, созвучный с финалами статей, опубликованных в первые дни после кончины писателя, но доводящий прозвучавшие в них ноты до наивысшей степени звучания. Дроздов, подобно авторам других публикаций, сожалеет о том, что Толстой умер в канун победы, «солнечное лицо которой еще было скрыто от него дымом последних сражений», и так же, как и другие, сравнивает его с теми, кто пал с оружием в руках на поле боя. Правда, в отличие от других авторов, увидевших в кончине писателя героическую гибель, а в нем самом — бойца, автор новомирских заметок не скупится на чины и производит покойного сразу в маршалы: «Он умер, как маршал советской литературы, с оружием в руках, порываясь к тем огням свободы, что горят впереди, горят и светят на благо всего человечества. Ибо, как говорил Толстой, "мир будет перестроен нами для добра"»¹¹⁴.

Два других материала в «Новом мире» были посвящены работе Толстого над романом «Петр I». Автором одного из них стала вдова писателя Л. И. Толстая. В ее небольшой заметке шла речь о набросках плана третьей книги романа. По ее наблюдениям, автор «Петра» был человеком очень сокровенных переживаний и «почти никогда не рассказывал о том, *что* он думает писать дальше, так как был уверен, что не смог бы написать то, о чем предварительно рассказал. Он утверждал, что если уже однажды переживешь то, что хочешь создать, то останутся одни "обгорелые пни" — второй раз того же не пережить»¹¹⁵. Однако на этот раз роман созрел настолько, что «переполнял Алексея Николаевича» так, что «казалось, рожденные образы живут уже самостоятельно где-то рядом с ним, и жизнь их течет на глазах у Алексея Николаевича, и ему нужно только время и силы, чтобы передать то, что проходит перед ним». Поэтому «когда Алексей Николаевич не мог писать, он иногда мечтал вслух, — *что* он напишет дальше (но никогда — *как* он напишет)»¹¹⁶. О некото-

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Толстая Л. И. Наброски плана третьей книги «Петра I» // Новый мир. 1945. № 2–3. С. 189.

¹¹⁶ Там же.

рых из этих «мечтаний» писателя и рассказала Толстая в своей небольшой публикации.

В статье В. Щербины, также напечатанной в «Новом мире», автор дал развернутую характеристику последнего романа Толстого, включив его в контекст современной исторической романистики. Но если в небольшой заметке вдовы писателя Толстой показан преимущественно как человек — чувствующий, сомневающийся, подверженный настроениям и болезни («...задолго до катастрофы болезнь Алексея Николаевича давала вспышки и осложнения и прерывала его работу»¹¹⁷), то статья Щербины выдержана в иных, официозных, интонациях, те же самые события описываются в ней пафосно-монументально: «Смерть сразила Толстого в расцвете творческих сил. Любящий жизнь, он гнал от себя мысли о неизлечимости болезни и до последних дней не выпускал пера из рук»¹¹⁸.

Подборка статей в «Новом мире» подвела итог первым откликам на кончину писателя в советской прессе, очертив основные контуры облика писателя — жизнелюба, прожившего «большую жизнь», и «могучего художника», патриота, — в то же время положив начало другим публикациям, которым предстояло завершить процесс канонизации второго — после Горького — столпа советской литературы¹¹⁹.

4

Три с лишним десятилетия, отделяющие уход Толстого от его столетия, были временем постепенного формирования толстовской науки, которая то приближалась к смыслам, которые могут быть названы «смыслами Толстого», то удалялась от них, продолжая мифологизировать и биографию писателя, и — его творческие поиски и находки. Год за годом и десятилетие за десятилетием появлялись новые работы о Толстом — статьи, монографии, сборники архивных документов, беллетризованные жизнеописания и т. д. Среди них есть и те, которые давно стали классикой толстовской науки (назовем здесь монографии А. В. Алпатова, М. Ю. Чарного, Л. М. Поляк), и те, которые,

¹¹⁷ Щербина В. «Петр I» // Новый мир. 1945. № 2–3. С. 188.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ См., напр.: Заславский Д. И. Замечательный писатель // Огонёк. 1945. 20 марта. С. 4–5; Памяти А. Н. Толстого // Звезда. 1946. № 2. С. 114; Метченко А. Алексей Николаевич Толстой // Волга. 1945. № 2. С. 3–11.

сыграв свою роль в развитии представлений о Толстом, превратились в достояние вчерашнего дня.

Назовем здесь три издания, которым, на наш взгляд, принадлежит особое место в толстовской науке 1950-х — 1970-х гг. Это работы Ю. А. Крестинского, И. С. Рождественской и А. Г. Ходюка, и Ю. М. Оклянского, каждая из которых по-разному, но способствовала углублению взглядов на Толстого, делая другой и науку о писателе в целом, и — отдельные ее сюжеты и аспекты.

Ю. А. Крестинский в монографии «А. Н. Толстой: Жизнь и творчество»¹²⁰ впервые предпринял попытку рассмотреть весь творческий путь Толстого, связав каждый его этап с событиями в личной жизни писателя и в истории страны. Как справедливо отметил в своей рецензии на книгу Крестинского А. В. Алпатов, «факты личной жизни писателя — будь то события, относящиеся к самой ранней поре или поздним годам его пути, — выступают в живом, естественном переплетении с характеристикой исторической обстановки, общественной атмосферы, явлений литературной жизни эпохи. Поэтому в повествовании о жизни А. Толстого закономерно присутствует и то, что характеризует самый его идейный рост, его творческую эволюцию: рассказывается об отдельных его произведениях, о том, как они создавались, откуда он черпал материал своих наблюдений для них, приводятся интересные высказывания писателя о литературе, прослеживается постепенное формирование его литературно-эстетических взглядов»¹²¹. В своих наблюдениях и выводах автор монографии опирался на значительный объем найденного им и впервые введенного в научный оборот фактического материала, включавшего в себя дневники, переписку, мемуарные свидетельства, газетные и журнальные публикации и т. д. «Вот вся эта фактичность, тщательная обоснованность каждой страницы книги и делают работу Ю. Крестинского такою, что ей можно верить, — отмечал рецензент. — Привлечение подобного рода неиспользованных материалов, естественно, расширяет наше читательское представление о жизни А. Толстого, вносит подчас существенные поправки в ранее публиковавшиеся биографические сведения о нем»¹²².

¹²⁰ *Крестинский Ю. А.* А. Н. Толстой: Жизнь и творчество: (Краткий очерк). Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1960.

¹²¹ *Алпатов А.* Очерк жизни и творчества Алексея Толстого // Вопросы литературы. 1960. № 9. С. 208.

¹²² Там же.

Работа И. С. Рождественской и А. Г. Ходюка о Толстом имела подзаголовок «Семинарий», а ее авторы кроме хроники жизни и творчества писателя достаточно подробно описали историю изучения его творчества, выделив в ней несколько этапов и доведя до 1960 года, систематизировали сведения об издании произведений Толстого, предложили свой вектор самостоятельного изучения толстовского творчества с опорой на имеющиеся работы о нем. «Задача пособия, — подчеркивали его авторы в предисловии к «Семинарию», — состоит в том, чтобы дать специалистам необходимую методологическую основу знаний в области изучения Толстого»¹²³, но фактически скромно названная «пособием» их работа и стала такой базой, сформировавшей саму «область изучения Толстого», которая отныне из отдельных интуиций должна была превратиться в системное знание разных исследователей, решающих одну общую задачу.

Наконец, что касается работы Ю. М. Оклянского, то ее значение — совсем иного рода: журналист и автор популярных книг, он сделал фигуру Толстом интересной широкому кругу читателей, а науку о нем — живой, становящейся, рождающейся здесь и сейчас, на глазах у читателя и с его участием. Работавший в начале 1960-х гг. в Куйбышеве собственным корреспондентом «Литературной газеты» по Поволжью, Оклянский познакомился с сотрудниками Куйбышевского литературного музея, совсем недавно ставшего собственником большого эпистолярного архива родителей Толстого, найденного в конце 1940-х и начале 1950-х гг. в Куйбышеве, получил доступ к архивным материалам и, изучив их, написал книгу «Жумное захолюстье. Из жизни двух писателей», впервые вышедшую в 1962 году и с тех пор выдержавшую несколько изданий. «Автор «Шумного захолюстья» четко и определенно выбрал свои творческие позиции, — отмечал рецензент. — Он исследует формирование гражданских, этических и эстетических взглядов А. Н. Толстого, опираясь на новые, еще почти неизученные материалы <...> Книга Ю. Оклянского помогает нам понять причины противоречивости жизненного и творческого пути великого русского художника, его душевной силы, мужественно преодолевшей временные заблуждения»¹²⁴.

Таким образом, три названные и еще некоторые другие работы сформировали основные векторы дальнейшего развития

¹²³ Рождественская И. С., Ходюк А. Г. А. Н. Толстой. Семинарий. Л., 1962. С. 3.

¹²⁴ Финк Л. А. Толстой и Самара // Волжская коммуна. 1966. 3 июля. № 153. С. 3.

толстовской науки, а вместе с этим — определили географию будущих толстовских исследований, которая будет в основном связана с тремя городами — Москвой, Ленинградом и Куйбышевом, сыгравшими особое значение в жизни писателя, а теперь — взявшими на себя роль главных научных центров в изучении его творчества. И ярче всего эта география толстовской науки обозначилась уже вначале 1980-х гг., когда отмечался 100-летний юбилей писателя.

Столетие Толстого стало важной вехой в истории изучения его творчества, обозначив заметный рубеж в толстовской науке «до» и «после» юбилея: в юбилейные дни прошел ряд конференций, посвященных писателю, вышли монографии, сборники статей, архивные издания, которые ввели в научный оборот значительное число редких и уникальных документов, до сих пор недоступных для исследователей. Особо следует отметить выход трех изданий — «Алексей Толстой и Самара. Из архива писателя» (Куйбышев, 1982), «А. Н. Толстой о литературе и искусстве» (М., 1984) и двухтомника «Переписка А. Н. Толстого» (М., 1989), каждое из которых стало событием в становлении толстовской науки, потому что вводило значительный пласт документов, предварительно тщательно изученных, атрибутированных, прокомментированных исследователями. Отныне будет трудно представить себе работу о Толстом, в которой не было бы ссылки на одно из этих изданий или на все сразу, — таким образом, эти издания вместе с тремя посмертными собраниями сочинений писателя станут той методологической базой, без которой нельзя себе представить толстовскую науку как таковую.

Представляется важным назвать также имена некоторых исследователей, сыгравших особую роль в становлении науки о Толстом в 1980-е — 1990-е гг. Если говорить о Самаре-Куйбышеве, то это, прежде всего, М. П. Лимарова, Л. А. Соловьева, В. П. Скобелев и С. А. Голубков, если говорить о Москве, то — А. М. Крюкова. Деятельность М. П. Лимаровой хоть и носила характер, лишь отчасти связанный с собственно научным изучением Толстого, но ее труд создателя и первого директора толстовского музея в Куйбышеве определял характер и темпы этого изучения, пробуждая исследовательский интерес к фигуре Толстого. А кроме этого именно Лимарова вместе с Соловьевой составили названный сборник архивных документов «Алексей Толстой и Самара. Из архива писателя», ставший первым изданием подобного рода в толстовской науке. Подчеркнем также вклад, внесенный Лимаровой и особенно Соловьевой в изучение творческого наследия матери писателя — А. Л. Толстой

(Бостром)¹²⁵, которое должно восприниматься как особое ответвление толстовской науки, не замыкающейся на одном писателе, а принимающей во внимание и другие фигуры, составлявшие его окружение. В. П. Скобелев и С. А. Голубков, активно занимавшиеся изучением творчества Толстого в 1980-е и 1990-е гг., выступили инициаторами и организаторами ряда толстовских конференций, прошедших в Куйбышеве в юбилейные дни и позже, опубликовали монографии, посвященные Толстому¹²⁶, и на протяжении многих лет участвовали в самых разных толстовских событиях как в Куйбышеве-Самаре, так и в Москве. Что касается А. М. Крюковой, то ей принадлежит ряд монографий о Толстом¹²⁷, а также — составление ряда научных изданий¹²⁸, изменивших облик толстовской науки в целом и сделавших эту науку целостной и отвечающей требованиям времени.

В течение четырех десятилетий, отделяющих день сегодняшних от столетия писателя, вышел еще ряд научных монографий и сборников статей, посвященных Толстому, каждый из которых так или иначе приближал и приближает читателя к большому художнику, настоящее постижение которого, начавшееся в 1910-е гг., продолжается до сегодняшнего дня. XXI веку в этом большом и сложном сюжете постижения принадлежит своя роль, оценить которую будет по силам будущему¹²⁹.

¹²⁵ См., например: *Бостром А. Л.* Рассказы и очерки. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1983; *Соловьева Л. А.* Проза А. Л. Бостром // «Третий Толстой» и его семья в русской литературе. Самара, 2003. С. 4–11.

¹²⁶ См.: *Скобелев В.* В поисках гармонии. Художественное развитие А. Н. Толстого. 1907–1922 гг. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1981; *Голубков С.* Гармония смеха. Комическое в прозе А. Н. Толстого. Очерки. Самара: Самарское книжное издательство, 1993.

¹²⁷ См.: *Крюкова А. М.* А. Н. Толстой. М., 1986; Ее же. А. Н. Толстой и русская литература: творческая индивидуальность в литературном процессе. М., 1990.

¹²⁸ См., например: А. Н. Толстой. Новые материалы и исследования. М.: Наследие, 1995.

¹²⁹ Назовем здесь только некоторые издания последних десятилетий, без которых уже нельзя представить себе облик толстовской науки дня сегодняшнего: А. Н. Толстой. Новые материалы и исследования (Ранний А. Н. Толстой и его литературное окружение). М.: ИМЛИ РАН, 2002; «Третий Толстой» и его семья в русской литературе. Самара: Издательство Администрации Самарской области, 2003; *Толстая Е. Д.* «Деготь или мед»: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1923). М.: РГТУ, 2006; *Толстая Е. Д.* Ключи

Алексей Н. Толстой прожил 62 года, на которые пришлись две мировые и гражданская война в России, революции, ряд социальных катастроф и подъемов, годы эстетических и литературных схваток и коренных переломов. По самой своей природе он был человеком и художником, который никогда не был в стороне от событий, не переживал их и не прятался от происходящего, а шел навстречу своему читателю, старался говорить на понятном ему языке и о том, что его волновало и тревожило. Разумеется, такая позиция всегда приковывала к нему внимание современников и заставляла так или иначе к нему относиться — с большим или меньшим пониманием и сочувствием, или даже — с раздражением или негодованием. Разноречивые оценки отдельных поступков и произведений Толстого имели место и после его кончины, существуют они и сегодня. Но вместе с тем и вчера, и позавчера, и сегодня толстовская жажда гармонии и стремление во что бы то ни стало обрести ее делают творчество Алексея Н. Толстого интересным и востребованным, подталкивая мир к тому, чтобы он снова и снова пытался «поймать» неуловимого художника, весело спешащего навстречу дню затрашнему.

счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. М.: Новое литературное обозрение, 2013; *Воронцова Г. Н.* Роман А. Н. Толстого «Хождение по мукам» (1919–1921). Творческая история и проблемы текстологии. М.: ИМЛИ РАН, 2014; Алексей Толстой: диалоги со временем. М.: ИМЛИ РАН, 2014; *Перхин В. В.* А. Н. Толстой и власть. СПб.: Алетейя, 2017; Алексей Толстой: диалоги со временем. Выпуск 2. М.: ИМЛИ РАН, 2017; Алексей Толстой: диалоги со временем. Выпуск 3. М.: ИМЛИ РАН, 2019; *Толстой И. Н.* Химеры и трагедия. Пять эссе об Алексее Толстом. СПб.: РХГА, 2021; *Перепелкин М. А.* Вокруг «Детства Никиты»: мир — слово — смысл. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2021; *Перепелкин М. А.* Ходившие по мукам. «Самарский код» в трилогии А. Н. Толстого. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2022; Алексей Толстой: диалоги со временем. Выпуск 4. М.: ИМЛИ РАН, 2024; Между историей и литературой: дискуссии о романе А. Н. Толстого «Петр Первый» в 1930-е гг. М.: Совпадение, 2024.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	5
От составителя	7
<i>М. А. Перепелкин.</i> Алексей Н. Толстой в поисках гармонии. Взгляд из XX столетия	12

I ДОЭМИГРАНТСКИЕ ОТКЛИКИ И РЕЦЕНЗИИ (1910–1917)

<i>Б. Кремнев</i> Граф Алексей Н. Толстой. Повести и рассказы. Книга первая. Санкт-Петербург: Издательство «Шиповник», 1910 ..	37
<i>В. Л. Львов-Рогачевский</i> Граф Алексей Н. Толстой. Повести и рассказы. Книга первая. Санкт-Петербург: Издательство «Шиповник», 1910	38
<i>А. Крайний</i> Разочарования и предчувствия	41
<i>М. Кузмин</i> Заметки о русской беллетристике	49
<i>В. Малахиева-Мирович</i> Литературно-художественный альманах. Издательство «Шиповник». Книга 12. СПб., 1910	50
<Без подписи> Литературно-художественный альманах «Шиповник»	51

<i>А. В. Амфитеатров</i>	
Литературные впечатления	52
<i>В. Волькенштейн</i>	
Гр. А. Толстой. Стихи «За синими реками»	55
<i>В. Полонский-Гусин</i>	
Гр. Ал. Н. Толстой. Стихи. «За синими реками».	
Издательство «Гриф», 1911. Ц. 90 к.	56
<i>М. Волошин</i>	
Поэты русского склада (А. Н. Толстой «За синими реками») . .	57
<i>В. Брюсов</i>	
Новые сборники стихов	58
<i>С. Адрианов</i>	
Критические наброски	59
<i>М. Кузмин</i>	
Письма о русской поэзии	61
<i>В. Полонский</i>	
О рассказах гр. Ал. Н. Толстого	62
<i>Лукиан Сильный</i>	
Писатель, заставляющий краснеть	68
<i>Е. Колтоновская</i>	
Пути и настроения молодой литературы	70
<i>Е. Колтоновская</i>	
Гр. А. Н. Толстой. I. Сорочьи сказки.	
СПб., 1910. II. Повести и рассказы. СПб., 1911	71
<Без подписи>	
А. Толстой. Сорочьи сказки	73
<Без подписи>	
А. Толстой. «Сорочьи сказки»	74
<i>А. Яценко</i>	
Тайна любви в современной русской литературе	75
<Без подписи>	
Граф Алексей Толстой. Повести и рассказы. Книга первая	76
<i>С. А. Венгеров</i>	
Литературные настроения	77
<i>Ю-нз (Ю. Л. Бур)</i>	
Быт или «творимая легенда»?	78
<i>М. Морозов</i>	
Возвращение к быту	80
<i>А. Ардов</i>	
Бытописатель русского вырождения	81

<i>Б. Грифцов</i>	
Об Алексее Толстом — младшем	86
<i>М. Неведомский</i>	
Зачинатели и продолжатели <Фрагмент>	91
<i>Иванов-Разумник</i>	
Алексей Толстой 2-й	92
<i>А. В. Амфитеатров</i>	
Новая сила	99
<i>И. Игнатов</i>	
Литературные отголоски (Издательское т-во писателей, сборник первый)	103
<i>А. Бурнакин</i>	
Литературные заметки. Сомнения и надежды	105
<i>Б. Садовской</i>	
Граф Алексей Н. Толстой. Сочинения. Книга вторая. СПб., изд. «Шиповник»	106
<i>М. Кузмин</i>	
Издательство товарищества писателей. Сборник I. СПб., 1912. Граф Алексей Н. Толстой. Повести и рассказы, книга II. СПб., «Шиповник», 1912	110
<i>А. Е. Редько</i>	
Из литературных впечатлений. Издательское т-во писателей. Сборник первый	113
<i>Н. В. Заботкин</i>	
Не этот, а тот	116
<i>А. Чеботаревская</i>	
Первый сборник издательства «Товарищества Писателей». СПб., 1912	118
<i>А. Е. Редько</i>	
«Слово». Сборник первый. Книгоиздательство писателей в Москве	119
<i>А. Б. Дерман</i>	
О гр. Алексее Н. Толстом	121
<i>А. А. Измайлов</i>	
Хрестоматия новой литературы (Приятный писатель и люди «без догмата»)	143
<Без подписи>	
Гр. Алексей Н. Толстой. Сочинения. Т. III. Мелкие рассказы. Кн-во писателей. Москва, 1913	146
<i>А. Полянин</i>	
Алексей Н. Толстой. Рассказы	149

<i>Е. Лундберг</i>	
«Слово». Сборник первый. Книгоиздательство писателей в Москве. 1913	150
<i>Л. Щеглова</i>	
«Слово». Сборник третий. Книгоиздательство писателей в Москве»	151
<Без подписи>	
«Слово». Сборник IV	153
<i>Е. Колтоновская</i>	
Пути и грани молодой литературы	155
<i>Ал. О.</i>	
Гр. Алексей Толстой. На войне	157
<i>Ал. Ож.</i>	
А. Н. Толстой. Обыкновенный человек. День битвы	159
<i>48 Ал. Ож.</i>	
Литературные мотивы. «На войне» графа Алексея Н. Толстого	160
<Без подписи>	
Гр. А. Н. Толстой. Том VII. Приключения Растёгина	166
<i>А. Гвоздев</i>	
Литературная летопись	170
<i>А. Гвоздев</i>	
Литературная летопись. Военные темы	172
<i>Е. Колтоновская</i>	
Новое в литературе (Несколько итогов)	174
<i>А. Тиняков</i>	
Гр. Алексей Н. Толстой. Т. IV. «Приключения Растёгина». Рассказы. К-во писателей в Москве. 1915 г.	177
<Без подписи>	
А. Толстой. Приключения Растёгина	179
<i>А. Гвоздев</i>	
Литературная летопись	180
<i>М. Левидов</i>	
«Слово». Сборник VI	183
<i>Е. И.</i>	
Граф Алексея Н. Толстой. Т. VIII. Земные сокровища (Две жизни). Роман-хроника. Кн-во писателей в Москве	184
<Без подписи>	
Гр. Алексей Н. Толстой. В Англии, на Кавказе, по Волыни и Галиции	186

М. Алданов

- Гр. А. Н. Толстой. В Англии, на Кавказе, по Волыни
и Галиции 187

В. Горский

- Театр Сабурова. «Ракета», комедия гр. Ал. Н. Толстого 188

С. Дубнова-Эрлих

- Гр. Алексей Н. Толстой, т. IX. «Искры».
Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве» 191

<Без подписи>

- Гр. Алексей Н. Толстой. Искры. К-во писателей в Москве ... 192

II

ОТКЛИКИ И РЕЦЕНЗИИ ПЕРИОДА ЭМИГРАЦИИ (1918–1923)

<Без подписи>

- <Рецензия> 201

И. Соколов-Микитов

- <Рецензия> 203

Д. Горбов

- <Рецензия> 205

А. Горнфельд

- Алексей Толстой. Любовь — книга золотая. Изд. «Москва».
Берлин, 1922. Повесть о многих превосходных вещах
(Детство Никиты Рощина). Изд. «Геликон».
Берлин — Москва, 1922 207

Береснев

- Алексей Н. Толстой. Лунная сырость.
Повести двадцать первого года. Гос. изд-во, 1921 210

В. Полонский

- О романе Ал. Н. Толстого «Хождение по мукам» 213

А. А.

- А. Н. Толстой. «Любовь — книга золотая».
Берлин: Изд-во «Москва» 237

Ник. Смирнов

- Алексей Толстой.
Повесть о многих превосходных вещах (Детство Никиты).
ГИЗ, 1925 г. 239

III ОТКЛИКИ И РЕЦЕНЗИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (1924–1945)

<i>Г. Лелевич</i>	
Бесплодная смоковница	243
<i>Валерьян Полянский</i>	
Алексей Толстой. Под старыми липами. Том четвёртый. Государственное издательство. 1924 год	245
<i>В. Львов-Рогачевский</i>	
Граф Алексей Толстой	247
<i>К. Чуковский</i>	
Портреты современных писателей. Алексей Толстой	250
<i>Н. Б.</i>	
Алексей Толстой. Чёрная пятница. Рассказы. 1923–24 гг. Ленинград: «Антей»	273
<i>Б. В. Нейман</i>	
Алексей Толстой. Союз пяти. Рассказы. Ленинград, Государственное издательство, 1925	275
<i>Георгий Горбачев</i>	
Очерки современной русской литературы <Фрагмент>	278
<i>Д. Горбов</i>	
Итоги литературного года	291
<i>Валентина Дынник</i>	
Третий Алексей Толстой	292
<i>А. Воронский</i>	
Журавли над Гнилопятами	302
<i>Ник. Смирнов</i>	
Заметки о журналах	322
<i>В. Гоффеншефер</i>	
На периферии: об Алексее Толстом	325
<i>А. Лежнев</i>	
Толстой Алексей. Древний путь. Рассказы. Издательство «Круг»	334
<i>В. Евгеньев-Максимов</i>	
Очерк истории новейшей русской литературы	335
<i>Э. Голлербах</i>	
Алексей Н. Толстой. Опыт критико-библиографического исследования	340
<i>Павел Медведев</i>	
Алексей Н. Толстой. Критический очерк	355

<i>А. Старчаков</i>	
Творческий путь Ал. Н. Толстого	370
<i>Б. Брайнина</i>	
Рассказы А. Толстого	416
<i>А. Алпатов</i>	
<Рецензия>	453
Новая повесть Алексея Толстого	483
<i>В. Перцов</i>	
Исторические романы Ал. Н. Толстого	513
<i>С. Дурылин</i>	
Трилогия о родине	532
<i>Корнелий Зелинский</i>	
Алексей Толстой	557
<i>А. Метченко</i>	
Алексей Николаевич Толстой	586

IV

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА В 1945–1982 ГГ.

<i>Е. Привалова</i>	
<«Детство Никиты»>	594
<i>Т. Т. Веселовский</i>	
<Повесть «Хлеб»>	645
<i>В. Вильчинский</i>	
Неизвестное предисловие А. Н. Толстого к «Хождению по мукам»	667
<i>Л. Поляк</i>	
<«Детство Никиты»>	677
<i>Л. Камышанова</i>	
О повести А. Н. Толстого «Детство Никиты»	686
<i>А. Налдеев</i>	
<Русский характер>	699
<i>Л. Н. Назарова</i>	
Тургенев и молодой А. Н. Толстой	711
<i>В. Гура</i>	
<А. Толстой на пути к роману-эпопее: от социально- бытового романа «Сестры» к исторической хронике «Восемнадцатый год»>	729
<i>А. А. Журавлева</i>	
<Великая Отечественная война в творчестве Алексея Толстого>	740

<i>Ю. Крестинский</i>	
Незавершенные замыслы А. Н. Толстого-академика	759
<i>Г. Смирнова</i>	
<«Мир будет нами перестраиваться для добра...»>	772
<i>В. Скобелев</i>	
<«Времен связующая нить». «Детство Никиты»>	781
<i>И. В. Рыбинцев</i>	
<Тема Родины и народа в художественной публицистике А. Толстого>	803

V

**ПОСЛЕ ЮБИЛЕЯ.
ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА В 1983–1995 ГГ.**

<i>Е. Г. Мущенко</i>	
<«Гадюка»>	808
<i>А. Л. Киселев</i>	
Фольклоризм как принцип изображения народной жизни (М. Пришвин и А. Толстой)	829
<i>Н. А. Грознова</i>	
«Октябрьская революция как художнику мне дала все...» (О творческой эволюции А. Н. Толстого)	854
<i>С. Боровиков</i>	
<«Егор Абозов»>	862
<i>В. И. Баранов</i>	
Герой и прототип в становлении замысла (Бессонов — Блок, Бессонов — Даша — Телегин)	867
<i>А. В. Скобелев</i>	
Природа иронии и иронического гротеска в повести- сказке А. Н. Толстого «Золотой ключик или Приключения Буратино»	891
<i>В. Н. Быстров</i>	
Об одном социологическом мотиве в рассказе А. Н. Толстого «Подкидные дураки»	900
<i>В. Н. Быстров</i>	
Драматургия новеллы (Рассказы А. Н. Толстого 20-х годов) . .	903
<i>Юрий Оклянский</i>	
<Целую жизнь спустя>	913
<i>В. А. Степанов</i>	
<На подступах к новой личности>	916

<i>С. Голубков</i>	
<Анекдот и парадокс в сюжете>	919
<i>В. А. Чалмаев</i>	
Континент реальности и мифа	
(О некоторых особенностях историзма в романах	
«Хождение по мукам» А. Н. Толстого и «Взвихренная Русь»	
А. М. Ремизова)	926
<i>М. А. Чернышёва</i>	
Утверждая игру	930
Комментарии	935

Научное издание

**АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ:
PRO ET CONTRA**

Антология
Т. 2

Составитель
Михаил Анатольевич Перепелкин

Директор издательства *А. А. Галат*
Заведующий редакцией *В. Н. Подгорбунских*
Корректор *С. А. Авдеев*
Верстка *О. М. Кукушкиной*

Подписано в печать 26.11.2025. Формат 60×90 1/16
Бум. офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 60,00. Тираж 190 экз.
Зак. № 1237

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Издательство Русской христианской гуманитарной академии
им. Ф. М. Достоевского
Тел.: (812) 310-79-29; факс: (812) 571-30-75
E-mail: editor@rhga.ru. URL: <http://www.rhga.ru>

Отпечатано: ИП Варваркин А. И.
199155 Санкт-Петербург, В. О., ул. Уральская, д. 17